

ПРОЛОГ

Я вздрогнул и проснулся от крика петуха за окном. Над горизонтом лениво всходило солнце, но его лучи еще не коснулись моей комнаты. Безумно хотелось снова закрыть глаза и заснуть. Я снова прикрыл глаза, и почти сразу перед внутренним взором возник образ бледной темно-волосой девушки, лежащей на свежескошенной траве, скорчившись от боли. Я подскочил на кровати с криком:

— Лимирей!

Мысль о ней подействовала не хуже ушата ледяной воды. Я поспешно выбрался из-под одеяла и принялся одеваться. На улице была ранняя весна, но по утрам мороз еще рисовал узоры на окнах, так что на сборы мне потребовалось время.

Стараясь никого не разбудить (от моего крика чуть не проснулся спящий рядом старший брат), я пробрался в коридор, вышел на улицу и на всех парах помчался к дому алхимика Николаса. Лимирей была его приемной дочерью, ученицей и помощницей по дому. Мы с ней были ровесниками,

и она была в моей жизни едва ли не единственным человеком, с которым я смог найти общий язык.

«Лимирей... Я обязательно увижу тебя сегодня! Даже если твой отец меня не пустит, я найду способ пробраться в дом!»

Я остановился около жилища алхимика, что находилось на окраине деревни, и переводил сбившееся дыхание. Сердце бешено колотилось то ли от быстрого бега, то ли от предвкушения встречи с лучшей подругой. Я не видел ее целую неделю.

Ей стало плохо после того, как мы вернулись с небольшой вылазки, где на нас напал одичалый оборотень. Тогда она оттолкнула меня, а сама набросилась на зверя. Они сцепились и покатались по крутому склону; я даже среагировать не успел — только слышал глухие звуки ударов и рычание. Как Лимирей умудрилась одолеть оборотня, я не знаю, но она вышла из драки явным победителем, хоть и прихрамывая на одну ногу и держась за плечо.

Когда мы добрались до старосты, он вызвал полицейских и мага из местного отделения. Нас опросили. Я честно сказал, что ничего не видел, а Лимирей уже тогда выглядела как-то странно. Ее покачивало, а в глазах появился странный блеск, какой бывает у больных людей. Я повел ее к Николасу, и около самого дома она с криком упала. Зрелище было страшное. Она металась и корчилась на земле от боли, а я ничего не мог сделать. Я пытался позвать ее, но она не слышала. Тогда я принялся колотить в дверь дома, надеясь, что Николас выйдет. Едва увидев Лимирей, он забрал ее и запер дверь, не пустив меня внутрь.

Я так и остался растерянно стоять, не понимая, в чем дело. Я пытался заглянуть в окно и пробраться внутрь, но все мои попытки были тщетны. Тогда я не придумал ничего лучше, как провести ночь около жилища алхимика.

В своем доме я был лишним. Приемный ребенок, взятый на попечение лишь из жалости. Ни братья, ни сестры, ни приемные родители так и не стали для меня семьей. По-настоящему живым я почувствовал себя лишь с появлением Лимирей, а у Николаса я всегда был желанным гостем. Я воспринимал его как отца, а их отношениям с Лимирей завидовал белой завистью.

Отгнав страшные воспоминания, я поправил на голове шапку и с колотящимся от волнения сердцем постучал в дверь. Наверное, они еще спят, но ждать я уже просто не мог. Хотя Николас и сказал вчера, что Лимирей намного лучше, не было ни часа, чтобы я о ней не думал. Кажется, она мне даже снилась...

На мой стук никто не отозвался: в доме была тишина.

Я постучал еще раз, намного увереннее, и дверь неожиданно отворилась. Я удивленно замер: «Не заперто?..»

С опаской осмотревшись, я вошел внутрь. Здесь было слишком тихо. Я сделал осторожный шаг и прислушался.

— Лимирей! Николас! — несмело крикнул я, боясь их разбудить. Ответа не последовало. Их комнаты располагались на втором этаже, но я знал, что они часто ночевали и в гостиной, и даже в алхимической лаборатории.

Я чувствовал себя вором-домушником. От пронзительной тишины раннего весеннего утра становилось не по себе. Да и гостиная как будто изменилась.

На столе блеснуло что-то, похожее на рубин. Я подошел и увидел кулон темно-красного цвета на простом шнурке. Дыхание перехватило: Лимирей никогда не расставалась с этим кулоном. Как-то из любопытства мы показали его ювелиру на городской ярмарке и спросили его, сколько он может стоить, на что мастер только хмыкнул и пожал плечами: мол, сколько может стоять крашенная стекляшка? Лимирей тогда очень обиделась. Насколько я знаю, это все, что у нее осталось от настоящих родителей. Память для нее была дороже ценных камней.

И вот теперь ее кулон лежит на столе... Я не мог даже представить случая, при котором Лимирей могла бы его оставить.

Во все возраставшей тревоге я взбежал по лестнице на второй этаж. Двери в комнаты Николаса и Лимирей были открыты, а сами комнаты пусты. Они еще хранили запахи трав, зелий и отваров, но и только.

Я медленно опустился на пол.

«Нет. — Я не верил. — Может, они просто куда-то отлучились? Может, вернутся к вечеру?»

Я встал и растерянно побрел вниз, прогоняя прочь мысли о том, что Николас и Лимирей уехали навсегда, но в глубине души знал, что дом не оставляют незапертым, даже уезжая только на пару дней. Люди не бросают так дорогие сердцу вещи, если намерены вернуться. Даже не оставили охранного заклинания от непрошенных гостей!

В горле стоял ком, а на глаза навернулись слезы. Я сел на ступеньку лестницы и закрыл лицо, стара-

ясь совладать с собой, но горечь обиды все равно душила меня. Почему Лимирей ничего мне не сказала?! Даже когда они с Николасом срочно уезжали в город, Лимирей всегда находила меня, а тут...

— Почему? — прошептал я, не узнавая собственный голос.

Поняв, что со слезами бороться бессмысленно, я дал им волю: все равно меня никто не видит.

Я не знаю, сколько прошло времени. Немного успокоившись, я подошел к столу, где лежал кулон Лимирей. Рядом обнаружилась записка. И как я ее раньше не заметил?

Я усмехнулся. Писать и читать меня научили именно они с Николасом. У моих названных родителей на школу денег не нашлось, так что ни я, ни кто-либо из моих братьев и сестер грамотой не владели. Спасибо, что хоть считать научили, чтобы на базаре не обманули.

Почерк я узнал. Он принадлежал Лимирей.

«Дэниэл!

Я знаю, что ты придешь. Прости, но мы не можем здесь оставаться. Возьми на память мой кулон и вспоминай обо мне... о нас хоть иногда.

Твоя Лим».

Лим... Помнится, когда я назвал ее так впервые, она лишь с интересом склонила голову набок, ненадолго задумалась и кивнула. Такое сокращение ей понравилось. Однако больше никому, кроме

меня и Николаса, не позволила так к себе обращаться.

В паре мест чернила были слегка размыты. Сердце снова предательски защемило. Если ты плакала, то почему ты ушла, Лимирей?! И куда?..

Я понимал, что отпрапляться сломя голову за ней — чистое безумие. Если они уехали посреди ночи, то местные могли ничего не увидеть. Отправиться в город со слабой надеждой и вопросами: «Не встречали ли вы такую-то девушку вместе с таким-то мужчиной?» — сомнительная идея.

Я прикоснулся к кулону. Солнечный свет, попавший на его грани, оказался отражен во множестве кровавых брызг. Форма у кулона была немного странная: вытянутый несимметричный ромб с безумной огранкой — как будто мастер, который его делал, либо слишком торопился, либо махал инструментами как придется.

Повинуясь непреодолимому желанию, я надел кулон на шею и спрятал его под одежду. Он приятно охлаждал кожу и даже как-то успокаивал. Записку я сложил вчетверо и сунул в карман. Пусть так, но хоть какая-то память о Лимирей у меня останется.

Я медленно развернулся и побрел из пустующего дома. Некогда приветливый, теперь он стоял одиноким и холодным. В моей душе царило странное спокойствие. И пустота.

ГЛАВА 1 ВСТРЕЧА

Десять лет спустя, деревня Айтон

Я осмотрел таверну мрачным взглядом. Сегодня здесь было довольно шумно, а все потому, что через два дня наступит праздник стихии Воды. Новый год. День зимнего солнцестояния. День, когда маги проводят ритуалы, чтобы упорядочить свои магические потоки. День, когда застывшая вода плотным покровом накрывала землю и дарила ей покой до праздника стихии Воздуха. День, когда силы Воды становились намного мощнее, чем все остальные. День, когда водная стихия не потерпит к себе неуважения. Даже на такое простое действие, как уборка с водой, духи в праздник могли обидеться. Я не рисковал испытывать их недовольство даже при их странном благоволении ко мне, но пару историй о том, как отравлялись чистой водой люди, нарушившие запрет, слышал.

Я взглянул на опустевший бокал, где еще недавно был эль, и поморщился — не от того, что

напиток закончился, а потому что на гладко отполированной поверхности увидел свою угрюмую физиономию. Ну что поделать — не люблю я праздники!

Из отражения на меня смотрел вполне симпатичный юноша. Так бы я о нем сказал, если бы увидел случайно на улице. Его карие глаза смотрели с подозрением. Кожа была бледной, как и у всех в зимний сезон, однако на лице виднелось несколько светлых веснушек. Тонкий, едва заметный шрам пересекал щеку. На груди болтался кулон темно-красного цвета на черном шнурке. Судя по выражению лица, этому парню тем сильнее хотелось сбежать из таверны, чем больше прибывало в нее народу. И я вполне разделял его чувства.

Я огляделся и поморщился от боли. Магические потоки напоминали, что неплохо было бы их подстроить под энергию природы, чего я не делал уже три года. В каждый праздник стихии напоминали о себе. И с каждым разом все болезненнее. Так или иначе, магия течет в теле наравне с кровью, пронизывает мозг; она тесно связана и с телом, и с душой, поэтому она чувствует любое серьезное изменение во внешнем мире так же, как, например, старые раны ощущают приближение непогоды.

Я с досадой отодвинул кружку в сторону. В какую же все-таки дыру меня отправили! Здесь не предвиделось ни одного достойного дела. А жалованье полицейского, к сожалению, сильно зависело от раскрытых преступлений. Ну и, чего греха таить, мне просто нравился сам процесс вьедливого поис-

ка истины, в котором каждая мелочь могла указать на преступника.

В полиции я работал уже семь лет. И так получилось, что из Столичного города меня перевели сюда. В наказание. Мой мстительный бывший начальник так и сказал: «Посмотрим, как тебе понравится вести дела о похищении коров и кур».

— Еще налить? — пробасил радушный здоровяк-хозяин по имени Стивенсон.

Я вздрогнул, отвлекшись от своих мыслей, и поднял на него взгляд.

— Нет, спасибо. Я лучше пойду. У вас и без меня работы сегодня хватает, — пожал я плечами, поднимаясь с места.

Стивенсон добродушно усмехнулся.

— Работы у меня всегда хватает, — заметил он. — Приходите на праздник стихии Воды, господин полицейский. Гулять всю ночь будут! Девушки соберутся, гадания устроят, — заговорщически подмигнул он мне.

— Спасибо, не интересуюсь, — быстро сказал я и поспешил отойти от барной стойки.

Еще девушек мне только не хватало!

Я давно заметил у старшего поколения деревенских и сельских жителей желание от скуки переженить всех молодых. В городах подобного я не встречал. Возможно, еще и поэтому деревня Айтон меня угнетала.

Я вышел из таверны и на свежем морозном воздухе почувствовал себя куда свободнее.

— Я так и думал, что найду тебя здесь! — вдруг услышал я за спиной знакомый веселый голос.

От неожиданности я резко обернулся. Габриэль, чтоб его... Умеет же он подкрасться незаметно!

Взъерошенный маг огня весело помахал мне рукой. Казалось, его рыжие волосы полыхали настоящим пламенем. Он был ниже меня ростом, более полный, с задорным блеском в зеленых глазах и с вечно восторженным выражением лица. Казалось, Габриэль всегда живет сегодняшним днем: уж слишком жизнерадостным он всегда выглядел. Редко когда я видел его хмурым.

Габриэль был очень удивлен, когда узнал со слов коллег и местных жителей, что я тоже имею магические способности, потому что по законам Артении к каждому отделению полиции может быть приставлен лишь один маг, и в наше на эту должность определили Габриэля. Я быстро убедил его в том, что способности мои весьма посредственны. Правда, свою историю о том, почему в Академии магии я так и недоучился, рассказывать не стал. Да и преподаватели, насколько мне известно, предпочли этот случай замять и сохранить лишь как уникальный случай для истории Академии магии.

На удивление, со всем отделением полиции я быстро нашел общий язык. Начальство оказалось понимающим, коллеги — открытыми и общительными (нашлись и любители просто почесать языками), но вот дел за эти две недели почти не было.

— Думаешь, как отметить праздник? — весело спросил Габриэль, приближаясь ко мне.

— Я намерен его проспать, — честно ответил я. — Или провести на дежурстве. При таком стол-

потворении что угодно может произойти, — заметил я, глядя в ночное небо.

— А как же ритуал?! — удивленно спросил Габриэль.

Я тяжело вздохнул.

— Ритуал оставим для нормальных магов — вроде тебя, — поморщился я. — Я с магией дружу плохо. Да и в работе я на нее не привык полагаться, — пожал я плечами.

«И чего это меня потянуло на откровения?.. Наверное, все из-за того, что долгое время ни с кем нормально не общался».

Габриэль открыл было рот, чтобы что-то сказать, но смолчал.

— И духи тебя не оставили? — озадаченно выдохнул он. — Не наказали за неуважение?!

— С духами у меня особые отношения, — отмахнулся я. — К тому же я никогда не оставляю их без подношений. Повеселись там за меня.

Я махнул рукой Габриэлю и направился домой. Настроения разговаривать после вечера в таверне, полной народу, ни с кем не было. Даже с жизнерадостным магом.

Под ногами заскрипел снег. Спиной я чувствовал озадаченный взгляд Габриэля, но скоро я отвлекся и уже думал о том, чем заняться сегодня вечером. Готовить и убирать смысла не было: с этим прекрасно справлялся домовый. С ним вообще забавная история получилась. Я долгое время жил с домовым под одной крышей в Столичном городе. Мы хорошо ладили, нам весело и хорошо жилось вдвоем (с людьми у меня отношения были ху-

же), а когда я заявил, что вынужден покинуть дом и город... Ну и истерику закатил Сева! Разнес все вокруг, кричал, что никуда меня не пустит, а если я все-таки уйду, то не позволит никому войти в дом и проклянет его, чтобы никто не смог здесь жить. Делать было нечего — пришлось взять духа с собой. Даже стихийные не устраивают таких скандалов, как домовые!

И вот теперь он для меня готовил и убирал, как заботливая матушка. Не присматривал только за двором — заявил, что это не его территория. И еще поставил условие, что стирать я буду сам. Я не возражал против такого разделения обязанностей. Правда, Сева часто ворчал, что я слишком много времени провожу на работе. Ну а как иначе? Здесь только дежурства и спасают от безденежья.

Я подумал о том, что проводить ритуал не буду. В Академии магов они были обязательными и даже нравились мне. Было в этом что-то... Даже не знаю, как описать. Мистическое? Сакральное? Однако после того как меня выставили с третьего курса, подобные обряды перестали казаться мне такими уж привлекательными. Можно сказать, я перестал проводить ритуалы больше из вредности, но все равно не потерял благосклонности духов. И свою магию.

Да, я оказался тем редким учеником, кто прошел выпускной ритуал Распределения намного раньше срока, и оно показало, что мой моей силы недостаточно, чтобы освоить всю программу. Сбит с толку оказался не только я, но и преподаватели. Случаев, когда маг просто так терял силы, в их практике еще

не было. Конечно, существовало лишение способностей для преступников, но это был совершенно другой случай.

Распределение в стенах Академии проходило в два этапа. Первый был при поступлении, когда смотрели на предрасположенность к той или иной стихийной магии. Второй происходил после окончания обучения. Там уже Распределение давало понять индивидуальные способности каждого мага: некоторые отправлялись на дальнейшее обучение боевой магии, другие — защитной, третьи изучали особенности и тонкости создания артефактов, а кто-то сразу отправлялся работать на благо магического общества.

Выпускной ритуал Распределения, если судить по рассказам, был торжественным и волнительным, а после него ученики всегда устраивали грандиозную вечеринку. Основная часть обучения была закончена, а впереди кого-то ждала работа, а кого-то дальнейшая учеба на совсем другом уровне. Мое же распределение проходило спешно и в одиночестве. И я, и преподаватели были встревожены и растеряны, поэтому для меня этот день был совсем не торжественным.

Сумрачно вспоминая все это, я быстрым шагом шел домой. Студень, двенадцатый месяц в году, выдался очень холодным. Даже согревающий амулет не помогал.

Уже стуча зубами и дрожа от холода, я едва ли не бегом устремился к скромному, невзрачному домику. Он состоял из гостиной, совсем маленькой спальни, кухни и уборной. Его мне выделили как

сотруднику полиции, и большего при моей работе мне было не нужно. Сева поддерживал дома тепло даже в лютые морозы, и мне не терпелось войти в теплую комнату и лечь на свою кровать.

— Лекса, стой! — услышал я позади напуганный женский голос. Я резко обернулся, но не успел ничего спросить. В меня с разбегу врезалось какое-то громадное животное. Я замахал руками, пытаюсь удержаться на ногах, но все-таки упал в мягкий сугроб рядом с дорогой. Повезло еще, что не лицом!

— Простите, — смущенно пробормотала подошедшая ко мне девушка. — Я все никак не могу с ней совладать... Ну что, довольна? — сердито обратилась она, видимо, к Лексе.

Я проследил за ее взглядом, — девушка смотрела куда-то на дерево, — и мои брови удивленно поднялись. Я впервые видел, чтобы в качестве домашней зверюшки кто-то держал рысь.

— И она вас слушается? — невольно вырвалось у меня. Недовольство от внезапной встречи сменилось любопытством.

— Да какое там! — с досадой отозвалась девушка.

Ее голос показался мне смутно знакомым. Она протянула мне руку. Я не стал отказываться от помощи и, схватившись за нее, поднялся на ноги и отряхнулся от снега. Наконец я поднял голову и сумел рассмотреть лицо девушки.

— Лимирей?..

— Дэниэл?..

Мы застыли друг напротив друга, рассматривая и сомневаясь: «Не обознались ли? Может, показа-

лось?» Я не был уверен, не была ли та, что стоит напротив, иллюзией, которая исчезнет от одного прикосновения, как это бывало во снах? И она ли это вообще?

Рысь не интересовала уже нас обоих. Я стянул с руки перчатку и осторожно коснулся щеки Лимирей. Она вдруг опомнилась и вздрогнула.

— Это и правда ты? — вырвалось у меня.

Я тут же прикусил язык. Семь лет в полиции научили меня задавать самые хитрые вопросы, а сейчас только: «И правда ты?» А с другой стороны, что еще я мог сказать девушке, которую не видел десять лет?

— Ну, вроде настоящая, — осторожно ответила Лимирей. — А как ты оказался здесь? То есть мы здесь всех знаем...

— Я перевелся сюда две недели назад, — быстро ответил я.

Она опустила взгляд. Из нескладной девчушки Лимирей превратилась в красивую статную девушку с тонкими чертами лица и очень светлой кожей. Она была ниже меня примерно на голову. Я не заметил у нее ни единого шрама на лице или руках. Однако при всей ее миниатюрности и хрупкости желания ее защищать почему-то не возникало. Напротив, я был уверен, что Лимирей сможет за себя постоять.

Не изменились только ее глаза. Огромные, почти черные в обрамлении длинных ресниц. Острые высокие скулы и прямой нос придавали образу Лим аристократического шарма. Из-под шапки выбилась прядь иссиня-черных волос. Даже сейчас

я был готов поклясться, что они оставались такими же шелковистыми, как и десять лет назад. А еще от нее по-прежнему пахло травами.

— А ты собираешься праздновать завтра? — спросила Лимирей, поежившись от холода. — Я хотела вытащить куда-нибудь Николаса, а то он из своей лаборатории не выбирается. И... он будет рад тебя видеть, — улыбнулась Лим.

«И улыбка у нее совсем не изменилась. Такая же обаятельная и открытая», — подумал я.

— Я приду, — сказал я раньше, чем успел подумать. А ведь хотел взять дежурство... — А почему я вас не видел за эти две недели? — спросил я.

За все время моего пребывания здесь Габриэль провел меня по всем семействам, а Лимирей я как-то упустил из виду. И дом алхимика. Наверное, дело было в слухах, которые о нем ходили, что его считали «странным, чудаковатым отшельником».

— Я вернулась только сегодня утром, а Николасу надо было выполнить срочный заказ. Вот он и сидел дома почти безвылазно, — ответила Лимирей и нахмурилась.

Я усмехнулся: хоть что-то не меняется. Она все так же дулась на Николаса, когда он был слишком занят работой и забывал обо всем, даже о еде.

— Вернулась? — ухватился я за случайно произнесенное слово.

— Да, я работаю у него Собирателем, — улыбнулась Лимирей.

Я не смог скрыть своего изумления.

— И он тебя отпускает? — недоверчиво спросил я, оглядывая Лимирей с головы до ног.

Она весело рассмеялась.

— Духи благосклонны, если знать, как их задобрить, — весело сказала она и посерьезнела. — Но вот на границе эльфийских земель, около владений оборотней и на гоблинских болотах и правда бывает опасно.

Челюсть у меня так и отвисла. И еще говорит это будничным тоном, словно речь идет не о ее жизни, а о погоде!

Я сразу вспомнил все, что знал о Собирателях. Они занимаются поиском и сбором ингредиентов для алхимиков, и их услуги стоят по-разному в зависимости от сезона или места, куда они отправляются. В пути им бывает очень тяжело, и один поход может затянуться даже на пару месяцев, а некоторые и вовсе не возвращаются.

Но у Собирателей есть преимущество: они — хорошие проводники по необжитым землям Артемии, а навыками выживания владеют в совершенстве. В отличие от жителей городов и деревень, они отлично умеют охотиться, находить в лесу еду и укрытие и знают, как вести себя в непредвиденных обстоятельствах — например, при встрече с диким зверем. Иной раз они даже приносят с собой трофеи в виде шкур, рогов или высушенных голов, чтобы потом повесить чучело к себе на стену в память о славной битве.

Еще Лимирей поделилась, что бывала на границе эльфийских земель.

Лесные эльфы постоянно воевали с людьми и магами, а гоблины настолько ревностно охраняли свои территории, что невозможно было пройти по границе их владений и не попасть в ловушку, которая если не убьет, то обязательно покалечит.

И как Николас не боится отпускать ее одну в дальние походы! Кажется, у нас обоих сложилась весьма интересная жизнь...

— Если ты не занят, — напомнила о себе Лимирей, пока я пребывал в своих мыслях, — то можем сегодня поговорить. Только Лексу отведу домой.

— Тебе помочь? — спросил я, наблюдая за тем, как Лимирей направляется к дереву, куда забралась рысь.

Она обернулась и приложила палец к губам. И как она собирается снимать оттуда Лексу? Не за хвост же потащит, в самом деле...

Однако увиденное было настолько удивительно, что я едва не открыл рот. Подобного я не встречал даже среди заядлых охотников.

Лимирей подняла голову и издала утробный звериный рык. Если бы я не видел под деревом Лим, то подумал бы, что в деревню пробрался хищный зверь. Лекса заворчала и повела ушами с кисточками. Лимирей стояла не шелохнувшись. Рысь упрямо не хотела слезать с дерева. Тогда девушка издала звук, похожий на недовольное кошачье шипение. Лекса взглянула на нее с ветки, дернула хвостом и с явной неохотой спрыгнула на землю.

— Домой! — рыкнула Лимирей. Рысь повела ушами, но больше никак не выразила своей заинтересованности. Девушка снова по-звериному завор-

чала. Тогда Лекса издала жалобный «мяв» и побежала через сугробы к дальнему дому. Я сразу сообразил, что это и есть дом алхимика, куда мне не довелось попасть во время знакомства с местным населением.

— Ничего себе, — пробормотал я.

— Надо было показать ей, кто тут главный, — довольно усмехнулась Лимирей. — Пойдем! — Она схватила меня за руку и дернула за собой. — Надо проверить, доберется ли Лекса до дома. А то она очень своевольная — еще убежит куда-нибудь! Ее еще рано выпускать в лес, она совершенно не умеет охотиться.

Я даже возразить ничего не успел — Лимирей уже тянула меня по дороге мимо той самой таверны, откуда я вышел. И сколько силы было в этой девушке!

Наконец мы оказались на крыльце дома, который располагался на отшибе. Он был уже украшен к празднику стихии Воды. Не успел я полюбоваться убранством, как Лимирей взбежала на крыльцо, распахнула двери и вошла в гостиную, откуда тут же повеяло теплом и уютом. Я невольно повел носом. Да, дом алхимика с другими спутать весьма сложно. Он пропитан запахом трав, а полки шкафов заставлены баночками и колбами с готовыми зельями.

Я огляделся. Прихожая плавно переходила в гостиную. Ближе к двери стоял шкаф с одеждой и обувью, в центре — большой отполированный стол на резных ножках, заваленный свитками, пергаментами и книгами. Вокруг него — несколько

стульев с мягкими сиденьями и спинками. На полу раскинулись мягкие однотонные ковры, не иначе как привезенные с юга Артении. Около окна стоял мягкий диван с двумя креслами, — видимо, для чтения или уединенных бесед, — а сверху над ним висел погашенный магический светильник. Это был стеклянный шар с искрой пламени внутри. В отличие от масляных ламп ему не требовалось топливо. Зажигался и регулировался светильник по небольшим разметкам сверху. Стекло делали из специального жаропрочного состава, и поэтому увеличивать пламя можно было не стесняясь. Только время от времени светильник требовал магической подзарядки: либо от духа огня, либо от магического заряда. Если поблизости был маг огня, то можно было обратиться за помощью и к нему.

Окно украшала ваза с сухоцветами. Вдоль стены тянулся огромный камин с красивым барельефом. Рядом с ним на специальной подставке лежало несколько поленьев.

— Николас! — громко крикнула Лимирей, раздеваясь. — Николас!

Оглядывая убранство гостиной, я погрузился в воспоминания о том, как приходил в подобную обстановку десять лет назад. Только тогда я себя не ощущал таким... чужим.

— Да здесь я, — ворчливо отозвался алхимик, появляясь из бокового прохода в гостиной. — Лимирей, это просто невозможно! — Он всплеснул он руками. — Сначала филин, потом ласка, затем росомаха с горностаем, два волка, теперь рысь... Дальше кого приведешь? Дракона?

— Если потребуется! — обиделась Лимирей. — Или если он сам захочет...

Николас махнул рукой, мол, все с тобой понятно. Я рассмеялся, наблюдая за этой картиной. Их отношения совсем не изменились...

— Дракона еще надо найти, — со смешком заметил я. — А последнего, насколько я знаю, видели лет двести назад.

Я снял с себя верхнюю одежду, поглядывая украдкой на Лимирей. Без многослойной теплой одежды она выглядела еще привлекательнее. Стройная фигура невольно притягивала взгляд, да и... Посмотреть было на что.

— Великие Духи, кого я вижу! — всплеснул руками Николас, заметив меня. От его крепких объятий у меня весь воздух вышел из легких.

Николас был все тем же крепким и вечно взъерошенным стариком. Вот уж кто не изменился! Только седины в волосах прибавилось, и не исключено, что из-за его названной дочери.

Я качнул головой и взглянул на руки Лимирей. По ним и не скажешь, что Лим занимается опасной работой Собирателя: ногти аккуратно подстрижены, а пальцы, казалось, никогда не видели грубой работы и не чувствовали ожогов от ядовитых трав и опасных снадобий.

— Дэниэл, проходи! — Николас повел меня в гостиную, по-отечески обняв за плечи.

Взгляд его карих глаз был все таким же доброжелательным, только круги под ними стали отчетливее, а морщины залегли глубже. Кажется, он сегодня не выспался. Или провел слишком много

времени в лаборатории, как это частенько бывало и раньше.

— Да я ненадолго, — попытался отмахнуться я, но Николас меня не слушал.

— Лимирей нам сейчас заварит вкусного чаю и принесет шоколада! — повысил он голос, не допуская никаких возражений. — Мы хотели открыть его на праздник, но раз такой повод...

— Да не стоит... — Я окончательно смутился. Давно я себя так неловко не чувствовал. — Я приду на праздник, Лимирей меня пригласила.

— Правда? — оживился Николас. — Я ведь тебя здесь не видел. Ты проездом?

— Меня перевели сюда, в местное отделение полиции. Не самая приятная история, — поморщился я.

— Ничего себе! — всплеснул руками алхимик. — Наверное, жизнью рисковал не раз! Я как послушаю истории о вашей работе — волосы дыбом встают!

Я невольно рассмеялся.

— Такое, конечно, бывает, но очень редко. На деле все куда проще: допросить подозреваемых, сличить ауру, попросить мага или алхимика выяснить, от чего умер погибший. Иногда надо обратиться в архивы или к записям, не предназначенным для лишних глаз.

Я прервался, увидев, что в комнату вошла румяная и чуть растрепанная Лимирей с подносом. Она осмотрелась, выискивая на столе свободное место, чтобы его поставить. Спohватившись, Николас бы-

стро собрал несколько свитков. Лимирей опустила поднос на относительно свободный участок стола и пододвинула стулья. Я сел напротив нее и только сейчас обратил внимание, что мебель в их доме довольно дорогая, хотя жили они раньше в деревне и совсем небогато. Как они могли позволить себе подобную роскошь? Насколько я знал, алхимики много не зарабатывают.

— О, вот как, значит, — растерянно протянул Николас, дослушав мой рассказ.

— Да, все несколько прозаичнее, — с улыбкой произнес я, наблюдая за тем, как Лимирей разливает чай. — А почему Лимирей стала Собирателем? Николас, это же очень опасно! — Я взглянул на него с интересом.

Он отчего-то смутился.

— Она сама вызвалась. А если Лим чего-то хочет, то ее уже невозможно удержать, — произнес Николас, взяв чашку чая.

— Осторожно, он горячий! — крикнула Лимирей.

Поздно. Николас уже сделал большой глоток и, с трудом проглотив чай, чтобы не выплевывать его обратно, закашлялся. Из его глаз брызнули слезы, а сам алхимик покраснел как рак. Лимирей сорвалась с места и убежала в комнату. Я остался с Николасом рядом. Не придумав ничего лучше, я похлопал его по спине. К счастью, Лимирей быстро вернулась. Николас благодарно принял от нее какую-то склянку и капнул из нее себе на язык.

— Что бы я без тебя делал... — выдохнул он.

Голос Николааса все еще звучал сипло. Лимирей покачала головой и забрала флакон. Перехватив мой вопросительный взгляд, она пояснила:

— Снимает боль. Только...

— Только не советую им пользоваться при больших открытых ранах, — просипел Николас, заедая глоток горячего чая шоколадом. — Боль-то оно снимет... Но состояние ран перестанешь контролировать и не заметишь, как истечешь кровью.

Я тоже потянулся и взял немного шоколада — дорогого, но очень вкусного лакомства с юга. А вот Лимирей так ни к чему и не притронулась. Это я заметил скорее по привычке.

— Вы давно здесь? — поинтересовался я.

Снова не тот вопрос. Задать главный почему-то не поворачивался язык.

— Пять лет, — отозвался Николас, наконец сумев заговорить нормально. К чаю он больше не прикасался.

Пять лет... Значит, после отъезда из деревни они были где-то еще. Возможно, даже не в одном месте.

— И что, пользуетесь популярностью у местных? — усмехнулся я.

Николас и Лимирей переглянулись.

— Некоторой, — уклончиво ответил алхимик. — В основном по мелочи. Большинство отваров продаем местному лекарю, но иногда покупают и местные. Например, противозачаточный отвар девушки почему-то стесняются покупать у лекаря и обращаются сразу к нам, — рассеянно произнес Николас.

Лимирей что-то пробурчала себе под нос и отвернулась. Я бросил на нее быстрый взгляд и заметил, как она залилась румянцем.

Даже сейчас профессиональные привычки меня не отпускали — я ловил каждую ее реакцию. Странно, что я не мог расслабиться в компании людей, которых хорошо знал. Хотя что тут странного? Столько лет прошло. Многое изменилось, и не только в моей жизни. Но обида и непонимание все равно остались.

Не в силах больше вести отвлеченный разговор, я набрался смелости и все-таки задал давно терзавший меня вопрос:

— Почему ты ушла, Лимирей?

Она вздрогнула. Николас как-то подозрительно замолчал и отвел взгляд. Лимирей же опустила голову и взглянула на чашку, которую сжимала в руках.

В гостиной повисла напряженная тишина. Я ждал ответа, пристально всматриваясь в ту, которую все еще считал своей подругой, и надеялся получить подсказку хотя бы через ее жесты и мимику. Она очень долго не говорила и научилась общаться без слов. Жесты могли ее выдать. Иногда я смотрел на Николаса: может, и он что-то расскажет мне случайным жестом.

— Я...

Голос Лимирей внезапно осип и стал похож на шепот. «Волнуется, — подумал я. — Когда она волнуется, он у нее всегда пропадает». Я хорошо помнил время, когда она не разговаривала. И сколько прошло месяцев до того момента, когда она сказа-

ла свое первое слово. Сейчас, хорошо разбираясь в такой молодой, но близкой мне врачебной теме, как ментальное здоровье, я точно мог сказать две вещи: в детстве Лимирей пережила нечто ужасное, что лишило ее дара речи, и что она явно что-то скрывала.

— Ты ведь в полиции работаешь? — совладав с собой, спросила она и подняла на меня взгляд.

Я кивнул.

— Тогда ты найдешь ответ в законах.

Не такого туманного ответа я ожидал. Казалось, подобного разочарования я не испытывал со времен ухода из Академии магов.

— Я, пожалуй, пойду. Надо еще кое-что сделать в лаборатории, — поднялся вдруг Николас.

Мы с Лимирей удивленно посмотрели на него.

— Куда?! — запоздало возмутилась она, вскочив на ноги, но Николас уже проскользнул в дверной проем, оставив нас наедине.

В гостиной на краткий миг повисла тишина. Лимирей опустила на кресло, не смотря мне в глаза.

— Вы... Сделали что-то незаконное? — нахмурился я, осторожно пытаюсь найти направление, заданное Лимирей.

Если это так, то случай действительно неприятный, ведь законы не делают исключений даже для лучших друзей.

— Н-нет, — ответила она, несколько побледнев.

— Тогда почему?! — повысил я голос, не сдержав эмоций. — Почему вы ушли... Ты ушла, оставив только кулон?

— Я... не могу сказать, — тихо ответила Лимирей.

Я едва расслышал ее слова. Мной овладело раздражение. Неужели так сложно объяснить, в чем причина? Слезы в ее темных глазах разозлили меня еще больше. Я заставил себя успокоиться усилием воли. Вдох-выдох. На допросах это помогает, когда подозреваемые намеренно выводят из себя.

— Знаешь, от лучших друзей тайн не может быть, — холодно сказал я и поднялся на ноги. — Спасибо за приглашение, но я не могу и дальше делать вид, что ничего не произошло. Доброй ночи и удачного празднования стихии Воды.

— Дэниэл...

Я обошел стул, на котором сидела Лимирей, и оказался в гостиной. Быстро оделся, не глядя на нее, и вышел из дома, хлопнув дверью. И на что я только надеялся во время этой встречи? Получить ответы на терзавшие меня вопросы?

Лимирей.

Вы с Николасом уже однажды ворвались в мою жизнь, дали надежду и жестоко ее обманули. Сомневаюсь, что я смогу доверять вам, как прежде.

Я уже не чаял увидеть Лимирей, но где-то в глубине души надеялся на встречу с ней. Чтобы объяснить. Узнать, что случилось тогда и почему меня внезапно оставили одного...

Я думал, что обида давно прошла и я смогу совладать с собой, когда увижу Лимирей.

И вот мы встретились. А совладать с собой я так и не смог.

Я остановился посреди улицы и выдохнул. Из рта вылетело облако пара и быстро развеялось. Холодный воздух отрезвил и помог взять себя в руки.

Обычно, если я хотел что-то узнать, то не брезговал никакими способами. Но это же Лимирей. Ни в одном деле полицейского отделения деревни Айтон она не значилась, и давление на нее было бы несправедливым и незаслуженным. Да и друзей у меня было немного, чтобы так себя с ними вести.

Наконец я оказался около дома, который располагался на противоположном краю деревушки, отпер ключом дверь и вошел. На отсутствие магической защиты жаловаться не приходилось: с этим прекрасно справлялся Сева.

В доме было тихо. Свечи не горели, так что зажигать их пришлось при помощи магии.

— Явился, — услышал я ворчливый голос домового. — Опять на работе себя изводил небось.

— Да нет, — ответил я, улыбнувшись. Но почти сразу моя улыбка погасла: что-то угнетало меня. Наверное, не стоило так резко вести себя с Лимирей.

— Чегось стряслось? — спросил Сева.

Он вразвалку подошел ко мне и остановился рядом, подняв голову и смотря на меня. Ростом он едва доходил мне до бедра. Круглолицый, очаровательно неуклюжий, одним своим видом Сева создавал в доме уют. Его седые волосы вечно были растрепаны, рукава красной рубашки — закатаны, а черные штаны подвязаны веревкой сверху и онучами лаптей снизу. Большие острые уши придавали

ему сходство с лысым южным котом. Взгляд синих глаз всегда был внимательным, а взгляд на проблемы — философским.

— Одну знакомую встретил, — помедлив, ответил я. — И заглянул к ней в гости.

— Встреча не задалась, — резюмировал домовой.

Я кивнул.

— Еще и праздник этот...

Сева нахохлился. Он не любил праздник стихии Воды по одной простой причине — в этот день нельзя было убираться. Впрочем, духов стихий мой дух домашнего очага уважал.

— Голодный? — деловито спросил он.

— Нет, спасибо, — рассеянно ответил я. — Перекусил уже.

— Перекусил он, — проворчал Сева. — Желудок только гробить твоими перекусами! Раздевайся давай! Отдохнешь, а потом спать ложись!

— Как скажете, мамочка, — иронично отозвался я.

Домовой что-то буркнул себе под нос о неблагодарных сожителях и вразвалку направился в кухню. Вернулся он почти сразу — с пирожком в руках.

— На вот... закопай в снег. Духи любят тебя, они не обидятся. Заберут дар и унесут куда-нибудь в водные глади голодным рыбам. Али по-другому отзовутся на доброту твою и почтение.

Я взял пирожок и кивнул. Хорошо, что еще не разделся.

Не снимая сапог, я прошел через гостиную на внутренний двор под ворчание Севы. Поежился

от холода и осмотрелся. Осталось только выбрать место посреди сугробов, куда закопать пирожок.

Я расчистил от снега небольшой участок посреди заснеженного двора, выкопал ямку, вложил туда пирожок и засыпал его снегом. Буду надеяться, что духи примут этот дар и не будут на меня сердиться за то, что я не захотел проводить в их честь ритуал, как другие маги.

С чувством выполненного долга я вернулся в дом, быстро разделся и упал на кровать. Мысли вертелись вокруг праздника стихии Воды. Все-таки надо будет попроситься на дежурство. В праздники платят больше, да и произойти может все что угодно. В Столичном городе, например, в праздники на ушах стояли не только полицейские, но и дежурные стражники.

Сон не шел. Я взял со стола книгу и попытался проникнуться духом приключений крестьянского сына, который помогал раскрыть заговор опальной королеве темных эльфов... Но не прочитав и десяти страниц, я закрыл книгу. Невозможно читать этот бред! Интересно, как сами темные эльфы отреагировали бы на подобную литературу? Я слышал, они — весьма суровый народ и не терпят на своих землях чужаков. Куда больше верилось в то, что мальчишку бы либо долго пытали, либо просто вышвырнули из подземелий. Но, кажется, автор предпочел романтизировать реальность.

Нет, лучше все-так попытаться уснуть.

— Сева, погаси, пожалуйста, свечи.

— Уже спишь?

— Почти, — соврал я.

Свечи в доме погасли от дуновения ветра. Я закрыл глаза и сам не заметил, как погрузился в сон.

Я оказался на знакомой дороге посреди деревни. Только вот ее начало и конец терялись в тумане, а в домах по сторонам было тихо. Люди спали. Меня привлекли яркие вспышки в облаке тумана в конце дороги. Я присмотрелся, но ничего не смог разглядеть. Зарница? Я тут же отмел эту мысль: таких частых вспышек при зарнице не бывает. Снедаемый тревожным предчувствием, я двинулся вперед. Туман передо мной развеялся, открыв взору диковинную картину: возле одного из домов метался огненный дух. Он явно стремился попасть внутрь, в тепло. Мороз и снег губительны для такого создания. И откуда он только здесь взялся? И в чей дом пытался попасть?

Я присмотрелся и похолодел. Это же дом Николаса и Лимирей!

— Стой! — крикнул я, но было уже поздно: дух огня прожег стену и устремился внутрь. В следующее мгновение воздух вокруг дома нагрелся, и он обратился в пепел. А я с разбитым сердцем стоял и смотрел на то, что буквально минуту назад было дорогим для меня домом...

Я резко проснулся и сел на кровати, хватая ртом воздух. Переждав потемнение в глазах, я добрался

до окна и распахнул его, впуская в дом холодный порыв ветра. Стало немного легче.

Я тряхнул головой и похлопал себя по щекам. Кажется, мне не мешало бы побриться.

Что это было? Сон? Видение? Встретить огненных духов посреди зимы — это еще постараться надо! В основном в такое время шалют духи мороза, воздуха и воды — последние зимой представляли собой снежные вихри.

Прогнав из головы тревожные мысли, я отправился приводить себя в порядок.

— Завтрак на столе! — услышал я голос Севы. — А то уйдешь опять не жрамши, будешь деньги на всякие таверны тратить.

— Спасибо! — крикнул я из ванной.

Как же все-таки хорошо жить с домовым! Особенно с таким заботливым. Я ведь и правда часто уходил из дома, совсем забыв о завтраке.

Наскоро перекусив и пообещав домовому что-нибудь прикупить к празднику, я вышел на улицу.

Днем людей на улице было очень много — я совсем забыл о предновогодней ярмарке. Все готовились к празднику, а из города даже прибыли торговцы с диковинными товарами. Порой через толпу было почти невозможно протиснуться, и приходилось ждать, когда зеваки разойдутся. В первых рядах ярмарки было очень много женщин и детей. И неудивительно: прилавки по обе стороны ломились от всевозможных игрушек, украшений и даже косметики. Мужская часть населения предпочитала посоревноваться в силе и ловкости либо рас-

смаковала более практичные товары. Впрочем, кое-кто и любимой девушке был не прочь сделать сюрприз и выбирал украшения или что-то подобное.

— Терпкие ароматы для дам, сладкие и нежные для девиц! Не проходите мимо! Таких в городах вы не увидите! — радостно увещевал торговец, около которого уже собралось несколько хихикавших девушек.

Аромат, который я уловил, показался мне ни на что не похожим. Он был не терпким — скорее цветочным, — но плотным, как опускающаяся ночь после жаркого летнего дня. Сумрак, нарисованный моим воображением, рассеялся, и в моей голове появился образ Лимирей. Почему-то она была в черном бальном платье...

— Мне флакончик тяжелых цветочных духов, которые до сих пор тут витают, — сказал я, бесцеремонно расталкивая дам.

Торговец широко улыбнулся, а девушки завистливо вздохнули. Парочку из них я узнал: они уже пытались прийти ко мне домой или вызвать «по важному делу» к себе, чтобы пообщаться поближе. Однако в мои планы это не входило, и я порой не очень вежливо просил их оставить попытки привлечь мое внимание.

— Вот, господин! — протянул мне торговец небольшой флакончик духов. Я недоверчиво посмотрел на него. Такой маленький? — С вас три золотых! — улыбнулся он во все зубы.

— За такой объем? — поинтересовался я. — В городах по такой цене можно купить полноцен-

ный флакон, а не такой огрызок. Один золотой и пять серебряных, — отчеканил я. — Или я подведу вас к статье за мошенничество.

— Но...

— ...А также дам изучить кодекс Торговой Гильдии, пока будете отбывать наказание. Там много всего интересного написано.

Торговец уязвленно на меня взглянул.

— Вы что, из полиции?

— Именно. — Я показал ему свой серебристый значок с изображением оскалившегося волка. — Так мы договорились?

— Договорились, — с кислым видом кивнул торговец. — Один золотой и пять серебряных...

Я отсчитал нужную сумму и забрал флакон духов. Еще одна причина, по которой я не слишком любил рынки — каждый второй стремится тебя облапошить, особенно на ярмарке или в деревнях. В городах все-таки есть представительства Торговой Гильдии, там за ценовым разбросом следят лучше.

Я убрал флакон во внутренний карман и направился к полицейскому участку. Добравшись, я тут же застал очередную сцену: какая-то визгливая дама доказывала мужу, что она ни с кем не гуляла, а тот все требовал немедленного развода от уже замученного Барна, начальника участка.

Увидев меня, он встрепенулся и обрадовался.

— Я займусь вашим делом позже! Нужно опросить всех местных: если ваша жена, как вы утверждаете, гуляла, то кто-то обязательно должен был что-то увидеть! Любопытных соседей здесь хватает,

а пока вина не доказана, мой вам совет: разойдитесь по разным комнатам и сделайте вид, что друг для друга вас не существует! И не портите праздник своими криками остальным. А меня, с вашего позволения, ждет коллега! Всего доброго!

Барн подтолкнул пару к выходу, а я проводил его сочувственным взглядом. Начальник полицейского участка был полным и обаятельным, но очень мягкосердечным мужчиной с красивыми длинными усами. Его располагающая улыбка поневоле заставляла выболтать все, что было известно свидетелям или обвиняемым. Рядом с ним я чувствовал себя злым надсмотрщиком на каторжных поселениях в горах.

— Ты не представляешь, как ты вовремя! — горячо сказал Барн. — Не знаю только, что ты забыл здесь в свой выходной.

— Э-э... выходной? — удивленно моргнул я.

Барн внимательно взглянул на меня и горестно вздохнул.

— Чтоб все были такими трудолюбцами, как ты... Иди отдыхай, нечего тебе тут делать. И так всю неделю из участка не вылезает.

— Я хотел попроситься подежурить завтра, — поспешил заявить я, пока меня не выставили за дверь. — Желающих так и не нашлось, а разнимать пьяные драки кто-то должен.

Барн нахмурился.

— Мне нужны деньги, а дежурство в праздники оплачивается вдвойне, — пояснил я.

— Убедил, — наконец сказал Барн. — Завтра буду ждать тебя на рабочем месте, Дэниэл.

— Спасибо, — кивнул я.

«Ну, раз выходной... Чем бы его занять?» — задумался я.

— Кстати, — остановился я уже у выхода. — Почему вы не сказали, что здесь живет алхимик?

— А это важно? — удивленно поднял брови Барн.

— Я мог не ездить в город за зельями на той неделе, — задумчиво произнес я.

Хотя цель моего визита была другой, возможности узнать что-то о Лимирей и Николасе я не упущу.

— Да, прости, — покаялся Барн. — Не думал, что это так важно для тебя. Просто обычно алхимики в своих домах держат лавки, а этот какой-то странный. Из дома почти не выходит, рядом гуляют дикие звери. Один наш на его волчонка спустил собак — так девка тамошняя такой скандал закатила... Глазищами черными сверкает! Едва не рычала... Сказала, что духи природы теперь ему судьи.

— И?.. — заинтересованно взглянул я на Барна. Тот поежился, но продолжил:

— А потом отправились его сыновья на охоту. Один сгинул, второй вернулся, но с тех пор вечно трясется и на лес с ужасом смотрит.

— Который Истер, что ли? — недоверчиво спросил я, вспомнив чудаковатого юношу, который шархался от деревьев, как от духов огня.

Барн кивнул.

— Доказать вину девчонки не получилось, а с духами связываться — гиблое дело. Порой они бывают очень мстительными. Да и алхимик этот

тоже странный. Что попросят, то сделает. Только вот я был у них в доме — обстановка богатая, не по нашим деньгам. Но проверил его — все чисто. Ежели на кого-то богатого работает, то копать надо более тщательно, а лезть в это я не хочу: придут еще из городов с проверками, — хмуро сказал Барн. — На людях они редко показываются. Так, закупятся на несколько дней и снова дома сидят. Но я так, пообщался с ними для порядка — вроде доброжелательные люди. Девчонка на аристократку похожа. И имя у нее такое... тоже необычное. Она на людях еще реже алхимика появляется. От всех прячется. Пытался мой сын с ней поближе познакомиться, так из дома носу не показывала потом. Объявилась лишь через две недели. Сына моего теперь только алхимик на пороге встречает.

— И больше он не пытался приблизиться к его дочери? — спросил я.

Да, на Лимирей это было похоже. Только вот я знал ее другой.

— Да какой там, — отмахнулся Барн. — Так и сказал: «Лучше найду себе не очень красивую, зато не такую дикую». Вон, обхаживает сейчас дочь кузнеца. Ну а что, она крепкая, хорошо сложенная и в глаз дать может, если кто руки распустит. Ему всегда нравились боевые, — проговорил Барн с гордостью.

Я хмыкнул. Похоже, Лимирей и Николаса тут и правда толком никто не знает, хотя они и живут здесь уже пять лет. Когда я ходил к ним в гости пятнадцатилетним мальчишкой, они были не таки-

ми замкнутыми. Николас никогда не избегал людей и не зарывался в работу так, как сейчас. Он охотно продавал зелья в нашей деревне. И Лимирей у него училась, даже не задумываясь об опасной работе Собирателя.

— А чем тебя так заинтересовали эти двое? — вырвал меня из размышлений Барн.

— М-м, да вот пытаюсь понять, хорошо ли я их знал... Или они так сильно изменились...

— Ты их знал? — удивился Барн.

Я кивнул.

— Десять лет назад мы разошлись. Нам с Лимирей было по пятнадцать. Они с Николасом уехали, ничего не объяснив. До сих пор не верю, что встретил ее, — честно рассказал я. — Ощущение, будто морозный мираж привиделся.

Барн с интересом на меня взглянул, и я пожал плечами, всем своим видом показывая, что больше никаких подробностей рассказывать не собираюсь.

— Тогда я завтра ближе к ночи выйду, — не дождавшись ответа, решил я сменить тему. — Как раз когда вы пойдете отдыхать.

— Добро, — кивнул Барн. — Может, у тебя получится разгадать эту странную парочку. Я за пять лет так и не смог, — весело сказал начальник.

— Я и за семь не смог, — рассеянно отозвался я и вышел на улицу.

Мой путь снова лежал к торговым рядам, но в этот раз — за подарком для Севы.

На мгновение я запнулся, вспомнив свой странный сон. На сердце снова стало тревожно. Разрываемый интуицией и логикой, я решил следовать

последней. Откуда здесь зимой взяться духу огня? Разве что его кто-то принесет сюда и обречет на гибель. Но зачем? И почему он обрушился именно на дом Лимирей и Николаса?

Я обернулся, бросив взгляд на их дом на отшибе. Если только они кому-то перешли дорогу?..

Но завтра праздник. Пробраться незамеченным будет практически невозможно: чужаков здесь сразу увидят и заподозрят. Либо местные затянут в шумную гулянку на всю ночь.

— Ерунда какая-то, — пробормотал я себе под нос и отправился домой, стараясь не замечать возрастающую тревогу.

Казалось, народу на ярмарке стало еще больше: я с трудом протиснулся мимо мужчин, которые торговались на повышенных тонах. Больше всего людей было у лавки с артефактами и магическими амулетами. Я глянул на них краем глаза и, не удержавшись, фыркнул. Ох уж эти торгаши!.. Продают амулет или артефакт с зарядом на одно использование, не предупреждая, что это добро потом еще и заново заряжать надо. За подделки Торговая Гильдия наказывает, так они научились изворачиваться. Не подделка же, ну? А то, что один заряд, так это везде так!

Впрочем, около алхимической лавки я задержался. Раз Лимирей для Николаса все собирает сама, то брать в подарок популярные травы и корни смысла нет. А вот эссенция духа — не самый распространенный ингредиент. Сторговавшись с хозяином лавки до более-менее приличной цены, я пошел домой. Зайду перед сменой ненадолго к ним,

Амелия Ламберте

а потом отправлюсь на дежурство. Вроде и визит вежливости нанесу, а вроде и не будет этой напряженной атмосферы недоверия во время встречи.

С такими мыслями я переступил порог своего скромного жилища и вручил Себе подарок — новые перчатки, веник с совком и ведро. Домовой для виду поворчал, но подарки жадно схватил и куда-то унес. А у меня было впереди почти два дня отдыха. Стоило подумать, чем себя занять.

ГЛАВА 2 НОЧЬ ПЛАМЕНИ

Из дома я не выходил до самого позднего вечера. Однако, спохватившись, что такими темпами я опоздаю на дежурство, я быстро собрался, не забыв прихватить подарки для своих старых знакомых. Правда, пришлось внести в расписание коррективы: раз я опаздывал, то проще всего было заглянуть к ним уже завтра с утра.

Люди на улицах собирались шумной толпой. Носились по сугробам стайками дети. Кто-то смеялся, а кто-то плакал, получив снежком в глаз. Духи воды, чувствуя свой праздник, слетелись со всего леса. Кое-кто коварно выскакивал прямо из-под ног. Забава задир была проста — опрокинуть человека в снег и там закопать его. От одного такого духа я ловко увернулся и быстрым шагом пошел прочь.

Я оказался на рабочем месте очень вовремя — ровно в тот момент, когда Барн собирался уходить.

— Я уже начал думать, что ты изменил свое решение, — добродушно усмехнулся начальник.

— Я не отказываюсь от своих слов, — отозвался я с улыбкой.

— Тогда желаю, чтобы в эту ночь твое дежурство прошло спокойно, — произнес Барн, передавая мне ключи от отделения полиции.

— Развлекитесь там за меня, — пожелал я Барну, только чтобы не оставлять последнее слово за ним, и прошел вглубь кабинета к своему столу. Хоть вспомню, чем занимался на прошлой неделе, а заодно посмотрю, потребуется ли мне в чем-нибудь помощь Габриэля в недалеком будущем. Я уверен, что он не станет задерживаться здесь, и как только срок обязательной работы подойдет к концу, уедет куда-нибудь из этой деревни. Возможно, в Магический или Столичный город. А может, обратится в Гильдию магов, и его отправят в более достойное место. Подумать только, недавно я и сам работал в столичном отделении полиции и распутывал не самые простые дела.

Я взглянул на часы. Что ж, эта ночь действительно будет очень длинной...

Первую пару часов я занимал себя разными делами. Кое-где просмотрел данные и сумел найти пару зацепок, остальные случаи требовали бесед, и я их отложил. Чем еще себя занять, я не представлял. Может, и правда ритуал провести?

Я огляделся. Вряд ли, конечно, для этого найдутся нужные предметы. Впрочем, может, они есть у Габриэля?

Но только я собрался залезть в стол мага огня, как дверь в отделение полиции с грохотом распахнулась, и внутрь с вихрями снега и потоками холодного воздуха влетела та самая скандальная дама, которую я видел вчера.

— Пожар! Пожар! — прокричала она.

— Дамочка, успокойтесь, — произнес я поморщившись. — И объясните толком, что произошло.

Полная женщина, наряженная по случаю праздника в теплое парадное платье голубого цвета, металась по отделению, заламывая пальцы.

— Господин полицейский, сделайте что-нибудь!

— Что я могу сделать, когда вы закатили здесь истерику?! — повысил я голос.

Дама вздрогнула и наконец взяла себя в руки. Губы у нее дрожали, а в глазах застыли слезы обиды.

— Пожар. В-в доме на отшибе...

Я окаменел. Сердце пропустило удар и бешено забилося с новой силой. Оттолкнув даму, я одним прыжком преодолел короткое расстояние до выхода, сорвал с вешалки куртку и выбежал на улицу.

Нет, нет! Неужели это было ниспосланное духом воды видение в благодарность за угощение?! А я такой дурак, что не смог его истолковать!

Зарево пламени я увидел еще с дороги. Людям было уже не до праздника — зеваки собрались во круг, не решаясь что-либо предпринять. Габриэль уже был там. Рядом с ним я заметил большую переливающуюся сферу, — магический барьер, — а вну-

три него — беспокойный женский силуэт, который метался, как бешеный зверь, пытаясь вырваться наружу. Тот проминался и трещал. От каждой новой атаки девушки он искрился. Это сколько же силы надо иметь, чтобы промять его?!

— Что случилось? — спросил я у Габриэля, перекрикивая шум пламени. Из окна горящего дома вылетел сноп искр. Я жадно хватал ртом воздух: от быстрого бега легкие пылали огнем.

— Не знаю! Дэн, присмотри за этой сумасшедшей! Она сейчас барьер сломает! А мне надо унять стихию, чтобы духи могли потушить пламя! — крикнул Габриэль.

Раздался грохот. Обрушилась крыша дома. Меня обдало жаром, и я отступил на несколько шагов назад. Кто-то снова метнулся за барьером, и я только тогда я увидел, кто там находится.

Лимирей!

Я нервно огляделся. А где Николас?! Взгляд метнулся к дому. Неужели...

Я тряхнул головой: нет, об этом я подумаю потом.

— Габриэль, сними с нее барьер! — крикнул я раньше, чем успел подумать. — Я присмотрю за ней! Займись пламенем!

Габриэль на секунду заколебался. Но затем кивнул и щелкнул пальцами, сбросив с Лимирей барьер. В доме что-то щелкнуло — и пламя снова взревело.

Духи воды и мороза с писксом носились рядом, не рискуя подбираться слишком близко: они бы попросту растворились, поглощенные другой стихией, поэтому издали навевали на пламя снег

и дождь естественными осадками. Габриэль возвел барьер вокруг дома, не позволяя огню вырваться наружу, и предпринял первые попытки взять свою стихию под контроль.

Лимирей тут же устремилась к дому, но взметнувшееся пламя и его жар заставили ее отпрянуть и закрыть руками лицо. В бессилии Лимирей упала на колени. Она дрожала.

Невдалеке я заметил ее алхимическую сумку и подобрал ее, затем осторожно приблизился к Лимирей и присел напротив, закрывая собой вид бушующего пламени. Я осторожно отнял ее руки от лица. Ее взгляд был обращен куда-то очень далеко, словно она находилась не здесь. В темных глазах отражалось зарево пожара.

— Лимирей, где Николас? — спросил я.

Она не отреагировала. Ее молчание становилось пугающим.

Внутри меня все стянулось в тугой узел. Я обернулся на дом. Пламя еще ревело и грозило вырваться из-под контроля Габриэля, но духи помогали ему усмирить стихию.

— Он... там? — указал я движением головы на горящий дом.

Лимирей подняла на меня взгляд. Кажется, она не понимала, о чем я ее спрашиваю. Я повторил свой вопрос, не позволяя ей смотреть на пламя. Она медленно кивнула, опустила голову и коснулась руками снега, словно видела там что-то такое, чего не видел я.

Внутри все оборвалось. Я никогда не видел Лимирей в таком состоянии. Даже в первый день на-

шей встречи. На ее руках медленно таял снег, а она даже не пыталась стряхнуть его, словно не ощущала холода. Губы Лимирей были плотно сжаты, она сидела, обхватив себя за плечи, без единого слова и движения. Картина была пугающей и тяжелой. У меня по спине пробежали мурашки. Я почувствовал, что это ужасное событие снова лишило Лимирей речи.

Повинуясь внутреннему порыву, я приблизился к ней и осторожно обнял, невольно вдыхая аромат ее волос и зарываясь в них руками. Шелковые, блестящие. Такие, какими я их и помнил.

Лимирей уткнулась мне в грудь, крепко обняла и беззвучно заплакала. Я понял это по ее вздрагивавшим плечам и окончательно убедился, что оказался прав: Лимирей не будет разговаривать еще очень долго.

Я терпеть не мог плачущих женщин. Когда они лили слезы намеренно, меня это раздражало, а когда искренне — я чувствовал себя либо виноватым, либо беспомощным.

А ведь я мог предотвратить беду, если бы сразу понял... Если бы пришел сюда раньше.

Но я не понял. А теперь ничем не мог помочь Лимирей. Слова не утешат и не вернут Николаса.

Я ничего ей не говорил. Просто позволил выплакаться. И не уводил: знал, что она воспротивится.

— Ух, вроде справился, — услышал я за спиной голос Габриэля.

Но он вдруг осекся, увидев нас. Я даже не хотел представлять, как мы смотримся со стороны. Да еще и на глазах у всех.

— Дэн, — осторожно позвал он меня.

— Начинайте разбираться, что тут произошло, — глухо отозвался я. — А я пока отведу Лимирей к себе. С ней потом надо будет... Поговорить. А для этого надо хоть немного привести ее в чувство, — заметил я и поднялся на ноги, увлекая за собой Лимирей, словно безвольную куклу.

— Пожалуй, — пробормотал Габриэль. — Чего уставились?! — сердито крикнул он, обернувшись к толпе зевак. — Пожаров никогда не видели? Ну-ка, разбежались все, пока за подозрение в поджоге не пошли за решетку!

Угроза подействовала. Народ подался назад и начал расходиться. Провести ночь праздника в казематах желания не было ни у кого. Хотя что-то мне подсказывает, что он и так был безнадежно испорчен.

Я не позволял Лимирей оборачиваться и бежать назад, на пепелище. Ее дом все еще полыхал жаром, и делать там пока было нечего. Дорожную сумку с зельями я перекинул через плечо, а саму Лимирей вел рядом, крепко придерживая за плечо, чтобы среагировать сразу, если она попытается вернуться.

Однако она медленно шла рядом, едва переставляя ноги. Сама бы она так и осталась сидеть на снегу.

Я не сразу заметил, что Лимирей дрожит. От холода или от пережитого ужаса — я не знал, но остановился на мгновение и снял с себя сначала ее сумку с зельями, а затем куртку, которую потом накинул ей на плечи. Я ускорил шаг, торопясь до-

браться до дома: холод не пойдет на пользу никому из нас.

— Подожди немного. Я попрошу Севу открыть дверь, — сказал я Лимирей и ненадолго отпустил ее.

Домовой почувствовал мое присутствие сразу. Двери сами распахнулись, а свечи зажглись. В камине запылал огонь, и туда полетели из дровницы поленья. Я шикнул на Севу, чтобы он немного притушил пламя.

Я снял с Лимирей свою куртку, а алхимическую сумку оставил в прихожей.

— Извини. У меня немного не прибрано... Второпях собирался на работу.

Я прикусил язык. Она только что потеряла наставника и дом, а я тут лезу со своими нелепыми замечаниями.

Лимирей никак не отреагировала на мои слова. Я тяжело вздохнул и провел ее в свою комнату. Усадив на кровать, я заставил ее на себя посмотреть. Однако Лим как будто меня не видела. Взгляд ее был устремлен куда-то сквозь меня. Она все еще пребывала не здесь, и еще неизвестно было, как скоро она оправится. Судя по тому, что никто в деревне ее толком не знал, приводить ее в чувство предстояло мне.

Шок. Так на языке ментальных лекарей называлось это состояние. И, видимо, шок Лимирей был очень сильным.

Я осторожно взял ее ладонь. В ответ я почувствовал слабое пожатие. Хороший знак. По крайней мере, она меня слышит.

— Лим, ты помнишь, как мы встретились? — тихо спросил я с улыбкой.

Это и правда была интересная история. Теплые воспоминания сами собой облеклись в слова. Однако я следил за своей речью и не позволял себе упомянуть Николаса.

Я вспоминал, как мы гуляли по лесам, как она бросалась на моих обидчиков, как все время молча слушала меня, как учила читать и писать, как мы вместе проказничали... Может, хотя бы одно воспоминание пронесется у нее перед глазами, и она оживится.

Реагировать Лимирей начала лишь спустя несколько часов. Я чувствовал себя вымотанным, как никогда прежде. Мне хотелось помолчать. Но тишина рядом с Лимирей была тяжелой и гнетущей. Я чувствовал ее подавленное состояние, и невольно оно передавалось и мне.

Ожила она внезапно. Просто встала с места и направилась к выходу.

— Куда ты собралась? — спросил я, едва успев преградить ей дорогу. Она подняла на меня взгляд, но не ответила и попыталась проскользнуть на улицу. — Нет, Лимирей, так не пойдет! — запротестовал я. — Там сейчас ведут расследование. Тебя заберут в отделение и начнут допрашивать. Ты этого хочешь?

Она опустила голову, но осталась стоять на месте. Я осторожно взял ее за плечо и развернул в обратном направлении.

— Тебе надо поспать. Хотя бы немного, — произнес я, осторожно вернув Лимирей в комнату

и усадив обратно на кровать. — Ложись. Потом мы вместе поужинаем... И начнем разбираться с этим делом. Мы обязательно найдем того, кто это сделал, слышишь меня?

Лимирей подняла взгляд. Ее черные глаза выражали такую боль, что у меня внутри все перевернулось. Но она нашла в себе силы кивнуть, и у меня немного отлегло от сердца.

— И не вздумай выбраться через окно, — строго сказал я. — Домовой за этим проследит. Если шархнет, защищая дом, мало не покажется, — произнес я, не меняя интонацию.

— Сделаем, — деловито заверил из сумрака гостиной Сева.

Я уложил Лимирей, накрыл ее покрывалом и не отходил до тех пор, пока дыхание ее не стало ровным и размеренным.

Я провел рукой по ее волосам и вдруг почувствовал, как устал за эту ночь. Все-таки сеансы ментальной терапии сильно выматывают. И как только работают такие врачи? Это же умом тронуться можно, постоянно выслушивая о чужих проблемах!

Я оставил комнату для Лимирей, а сам прошел в гостиную и упал на деревянный диван с жестким матрасом. Но даже он сейчас мне показался удобным. Глаза закрылись сами собой, и я снова подумал о том, что этого всего можно было избежать, если бы я послушал голос интуиции, а не разума. Я виноват в том, что Лимирей лишилась своего последнего близкого человека. «Все могло быть по-другому... Что я наделал?..»

Проснулся я рано утром, но отнюдь не от того, что выспался. В дверь барабанили так, словно собирались ее выломать. Ругнувшись, я встал с дивана и пошел открывать, на ходу разминая спину.

Я открыл дверь, уже собираясь высказать незваным гостям все, что о них думаю, но осекся, едва увидел Барна и взволнованного Габриэля. Я молча посторонился, пропустив их внутрь.

— Как девочка? — спросил начальник полицейского отделения, даже не поздоровавшись. Впрочем, за невежливость я его не винил: сам порой не церемонился даже с хорошо знакомыми людьми.

— Плохо, — ответил я, оглянувшись на комнату. — Вчера почти ни на что не реагировала. В себя-то еле пришла. Может, сегодня получится поговорить с ней. А у вас что?

Барн и Габриэль переглянулись.

— Это дело очень плохо пахнет, Дэн, — начал Габриэль.

— Ага, паленым, — угрюмо произнес я.

Мою иронию предпочли не заметить.

— Это был поджог. Причем не просто поджог — кто-то умудрился приволочь духа огня. То-то я с пламенем еле справился! Дух огня пытался выжить, но не смог. Из-за него пламя разгорелось очень быстро. Я даже не представляю, кому мог помешать тихий и нелюдимый алхимик! — всплеснул руками Габриэль.

— Может, он прятался здесь от кого-нибудь? — предположил Барн.

— Вряд ли, — мотнул я головой. — Я знал и его, и Лимирей. Они, может, и чудаковатые оба, но мухи не обидят. По крайней мере, я за ними такого не замечал.

— А сколько лет ты их не видел? — задал резонный вопрос Габриэль.

— Десять, — поморщившись, ответил я.

Барн и Габриэль переглянулись.

— За это время могло произойти что угодно, — медленно проговорил начальник.

Я нехотя кивнул. В самом деле, сколько раз в моей практике самые неприметные простачки оказывались холодными и расчетливыми негодьями?

— Я разберусь с этим делом, — взглянул я на Барна. — На вашей практике такое, наверное, происходит впервые, а я многое повидал.

— Я в курсе твоих достижений, — вздохнул Барн. — Только вот... Дэниэл, не обижайся, но ты — заинтересованное лицо, — мягко сказал начальник. — У меня не хватает людей, поэтому я допущу тебя к расследованию, но имей в виду: если начнешь действовать из личных мотивов, я тебя отстраню. Это всего лишь профессиональная этика, — развел он руками.

Я уग्रюмо на него взглянул, но согласился, принимая во внимание такие тонкости. Личная заинтересованность может все испортить, но разобраться в этом деле я был просто обязан хотя бы потому, что пообещал Лимирей. И для успокоения совести.

А еще потому что я должен узнать, что же все-таки скрывает Лим.

— Присмотри за ней. Ты — единственный, к кому она вчера так бросилась. Я думал, она меня вообще убьет, — поежился Габриэль. — Запер ее за барьером, а она его чуть не проломила, представляешь?

Я задумался, вспоминая все барьеры, которые меня научили ставить за два курса в Академии магов. Должен признать, что человека они точно удержали бы. Но вчера мне было не до этих размышлений.

— Да, пожалуй, — кивнул я и обернулся, услышав, как скрипнула дверь. В небольшой гостиной уже стояла заспанная Лимирей. Из красивой изящной девушки, которой я видел ее еще вчера, она превратилась в исхудалую и сломленную, как будто постаревшую на несколько лет.

В груди что-то предательски кольнуло. Такой утомленной она не выглядела даже в детстве после драки с оборотнем.

— Лимирей, — окликнул я ее.

Она вздрогнула и подняла на нас взгляд. На мгновение он показался мне по-звериному голодным.

— Ты наверняка знаешь Барна и Габриэля. Они будут помогать мне вести расследование, — улыбнулся я как можно доброжелательнее.

Лимирей медленно кивнула, но осталась стоять на месте, не приближаясь к нам. Ее охотничий костюм был помят, но, несмотря на все обстоятельства, смотрелся на ней по-прежнему хорошо.

— Рад познакомиться! — широко улыбнулся Габриэль, разглядывая Лимирей во все глаза. Я с удовольствием взглянул на него и сдвинул брови. Как будто симпатичных девушек за свою жизнь не видел!

Она не ответила, но взгляда с Габриэля не сводила.

— Ну, не будем вас далее смущать своим присутствием, — произнес Барн, дернув несколько обиженного Габриэля. — Завалы уже начали разгребать. Лаборатория ведь была внизу?

Лимирей встrepенулась и мгновенно подбежала к Барну. Она схватила его за грудки и заглянула в глаза.

— Она спрашивает: «Вы нашли его?» — перевел я.

— Э-э... Погоди, она что, совсем не... — дошло наконец до Габриэля.

— Совсем.

— Мы пока еще не добрались до лаборатории. Рухнувшая крыша осложнила дело. А как вы оказались вне дома? — мягко спросил Барн, взяв за руку и отстранив Лимирей.

— Хватит, — сердито сказал я. — Она и так не до конца в себя пришла.

— Исчезаем, — понимающе произнес Барн и снова потянул Габриэля к выходу. Маг огня с некоторой досадой последовал за ним. Мы с Лимирей наконец остались одни, не считая домового, который подглядывал за нами из-за угла дивана.

Лимирей оперлась спиной на стену. Я только сейчас заметил, что она еле стоит на ногах. Как

будто все ее силы ушли на то, чтобы вытрясти из Барна информацию о Николасе.

— Лим? — осторожно позвал я ее. Она подняла на меня взгляд, и я понял, что голодный блеск в ее глазах мне не померещился.

— Пойдем, мы с Севой что-нибудь приготовим. Разнообразное меню, конечно, не обещаем, но чем богаты, тем и рады.

Лимирей мотнула головой и похлопала себя по боку, показывая на мою рабочую сумку. «Где моя алхимическая сумка?» — спрашивала она этим жестом.

Сева как-то странно поглядывал на нее.

— Точно есть не будешь? У тебя такой вид, что в могилу краше кладут, — по привычке проворчал он.

Лимирей устало улыбнулась и покачала головой.

Пока Сева вел разговор с Лим, я пытался вспомнить, куда дел ее алхимическую сумку, но Лимирей нашла ее быстрее меня. Она достала темный пузырек и, вытащив плотную пробку, сразу осушила его. Немного постояв без движения, она взяла второй такой же и тоже выпила до дна.

Я с нарастающим беспокойством наблюдал за ее действиями. Насколько я знаю, залпом зелья пить нельзя — их либо разбавляют, либо в чистом виде дозируют по капле. Или это что-то новое? В алхимическом искусстве я не был силен.

— Лим, с тобой все хорошо? В смысле не опасно их так пить? — осторожно спросил я.

Она обернулась и медленно покачала головой. Я ей не поверил, но допытываться не стал. Она

и так подавлена, если еще и я начну давить ее распросами, она точно куда-нибудь сбежит.

Покопавшись в сумке, Лимирей вытащила перо, кончик которого был завернут в тряпку, и достала на удивление гладкие листы бумаги.

Я присел рядом с ней на диван, разглядывая заколдованное перо. В нем не кончались чернила, пока заряд магии не иссякал. Это не было редкостью в городах, а в деревнях они выглядели настоящей диковинкой.

«Это мое лекарство», —

прочитал я текст на бумаге.

Я невольно вздрогнул. В детстве я не замечал, что Лимирей чем-то болеет. Может, недуг появился позже?

— От чего? — дрогнувшим голосом спросил я.

Надеюсь, ничего серьезного. При всех наших разногласиях и даже обидах я не хотел видеть, как Лимирей мучается от боли.

«У меня редкая форма анемии».

Мне стало немного легче. Надо будет только следить за тем, чтобы она не попала под дождь или сильный снегопад, а то может так заболеть, что до лекаря я ее уже не донесу. И Николас отпускал ее одну в леса?! Там же в бурю попасть — как нечего делать!

Высказать свое мнение по поводу безответственности Николаса я не успел. Перо Лимирей дрогнуло, и Лим, быстрым движением руки стерев слезы, написала еще одну фразу:

«Он сделал это для меня».

Кто «он», объяснять было не нужно.

— Николас еще и сам зелья изобретал? — недоверчиво спросил я.

Лимирей кивнула. Она отчаянно старалась не расплакаться.

— Значит, можно за тебя не опасаться? — улыбнулся я и сразу посерьезнел. — Наверняка Николас знал свое дело.

Я замолчал, прикусив язык. Чтобы хоть немного сгладить неловкость, я задал интересующий меня вопрос:

— Лим, а как ты оказалась...

Не дослушав, она склонилась над листком и начала что-то писать. Черные волосы не только спрятали ее от меня, но и закрыли ей весь свет. И как она вообще что-то видела?

Закончив, она протянула лист мне.

«Был кое-какой заказ в городе. Николас опаздывал по срокам с друзьями, а об этом заказе вспомнил в последний день. Из лаборатории не вылезал, а вечером попросил меня съездить: гонцу мог опоздать. Я вернулась уже к полыхавшему дому».

Последние строчки были написаны неровно, а несколько букв растеклись от попавших на них слез.

*«Можешь спросить в городе.
Я покажу, куда ездил», —*

дописала Лимирей прыгающими буквами. Руки у нее дрожали, а плечи вздрагивали. Она снова плакала.

— Мы туда обязательно съездим, — кивнул я. — Хотя бы потому, что тебе нужны новые вещи. Лабораторию, конечно, у меня не развернуть, но...

— Какая такая лаборатория? — ревниво вторгся в разговор Сева. — Не позволю мусорить в моем доме!

— Сева...

— Не позволю! — упрямо повторил домовый.

«Я буду аккуратной», —

написала Лимирей и, оторвав лист, передала его Севе. Домовой с подозрением на нее посмотрел.

— Алхимичить будешь в его комнате и под его ответственностью! — хмуро кивнул на меня Сева. — Взорвешь что-то или подожжешь — я тушить не приду!

Лимирей благодарно улыбнулась, а я с неудовольствием взглянул на сварливого домового. Ну что ж, хотя бы договориться у них получилось.

Я погладил Лимирей по руке, стараясь поддержать ее.

— А враги у вас были? А то бывают истории о шарлатанах, которые продают разбавленную воду под видом зелья, а потом их за это...

Лимирей мотнула головой. Она отстранилась и постаралась с собой совладать, чтобы разборчиво написать ответ. И, кажется, была сердита. Уже лучше. Хоть какие-то новые эмоции.

«Мы не нарушали законов. Ненастоящие зелья не продавали. В Торговой Гильдии не состояли. Я там отметилась как Собиратель, но заказов не брала. Работала только на Николаса. Нас никто не трогал. Зелья сдавали всегда в срок даже самым мелким заказчикам».

— И много у вас их было? — осторожно спросил я. Лимирей мотнула головой.

«В основном городские».

— Может, кто-то из заказчиков... У вас были очень богатые клиенты?

Лимирей подняла на меня вопросительный взгляд.

— Ваш дом кто-то намеренно поджег. Причем не абы как, а прислал духа огня, чтобы наверняка. Сама понимаешь, посреди зимы его где-то надо держать. Позволить себе подобное мог либо тот,

кому вы серьезно насолили, либо тот, у кого очень много денег, — сделал я вывод.

Я не сказал, что видел это пламя ровно за день до всех этих событий. Если бы я предупредил их, Николас послушал бы меня? Или все равно с головой ушел бы в работу?

«Что есть нас хотели убить?»

Лимирей закусила губу. Взгляд ее метнулся к окну.

— Именно, — кивнул я и взглянул на Лимирей.

Мне в голову пришла мысль, что злоумышленник может прийти и по ее душу, если узнает, что она жива. Видимо, она подумала о том же самом, и в ее темных глазах отразился страх.

— Лимирей, с этого момента ты никуда одна не ходишь. Даже если кто-то потребует срочно что-то сварить, — сурово сказал ей я. — Речь идет о твоей жизни.

«Я не хочу потерять еще и тебя», — оставил я несказанным.

Я поднялся на ноги, раздумывая, с чего начать расследование этого непростого дела.

Может, кто-то видел чужака? Что, если он скрывался под чарами? Тогда Габриэль должен был что-то почувствовать. Где-нибудь зацепка обязательно будет.

— Предлагаю позавтракать и выдвигаться. Может, завалы уже разгребли. Лаборатория ведь была устроена по всем правилам?

Лимирей кивнула, прекрасно понимая, что я имею в виду. Подобные помещения обычно либо обшивали огнеупорным материалом, либо ограждали магической защитой, чтобы зелья, взорвавшись от пламени пожара, как гномский напалм, не уничтожили все в радиусе нескольких километров.

Лимирей замотала перо обратно в тряпку, убрала все в сумку и ушла в комнату. Судя по звукам, она собиралась. Похоже, сегодня я останусь без завтрака.

К дому Николаса (точнее, к тому, что от него осталось) мы пришли спустя несколько минут. Краем уха я уловил пересуды местных и поморщился. Конечно же, кроме пожара в ночь праздника и смерти алхимика, обсуждать им было нечего!

Несколько крепких мужчин помогли полицейским разгрести завалы. Видимо, работа началась задолго до нашего прихода: уже открылась лестница на второй этаж, стены, разделявшие гостиную и кухню, а также изрядно прогоревшая ванная. Пол был так засыпан пеплом, что рассмотреть люк в лабораторию было невозможно.

Однако на него безошибочно указала Лимирей. Она сразу кинулась в кухню и начала разгрести руками золу.

Я не стал ей мешать, а на возмущенное «Кто сюда девку пустил?» цыкнул, заставив замолчать

излишне болтливых. Мужчины отвернулись, ворча что-то себе под нос.

Лимирей тем временем уже пыталась открыть неподдающийся механизм. Она то ли в отчаянии, то ли в остервенении дернула замок, и он остался у нее в руке. Я некстати вспомнил о том, что говорил Габриэль, — в Лимирей слишком много силы. Сделать такое было бы возможно, только имея при себе лом или гвоздодер.

— Лимирей, отойди немного в сторону, — негромко попросил я ее, и она неохотно посторонилась и выпрямилась.

Я опустил на пол и приложил руки к земле, выискивая связь со своей стихией. Камень, дерево, твердая почва, отведенная под дом, — все это было единой композицией. Пусть пламя и обработка ослабили мою стихию, но сейчас мне как никогда нужна была ее помощь.

«Почувствуй мои желания. Сдвинь плиту с места. Я знаю, ты можешь», — обратился я к ней.

Земля под ногами дрогнула. Я резко встал и едва удержался на ногах. Мужики метнулись прочь, но мы с Лимирей остались стоять на месте, замороженно наблюдая за тем, как земля раскалывается под ногами. Со скрежетом и грохотом одна часть дома просела, а вторая приподнялась чуть выше. Плита, закрывавшая вход в лабораторию, покосилась, и теперь ее можно было приподнять и даже протиснуться внутрь.

— Спасибо, — поблагодарил я отозвавшуюся стихию и вдруг пошатнулся. Перед глазами все поплыло. Кажется, духи земли в качестве платы

решили взять у меня энергию, которой у меня и так почти уже не было. Ничего, позже я сочтусь с духами, чтобы не слечь без сил на несколько дней.

— Лим, скажи им... — Я умолк, поняв, насколько это иронично звучит, и махнул рукой. — Ладно, я сам. Только помоги мне дойти...

Лимирей подхватила меня под руку и повела к рабочим. Впрочем, правильнее будет сказать «потщила». Когда мы приблизились к ним, я сказал:

— Вход в лабораторию мы нашли, и его немедленно надо открыть. Может, там обнаружатся важные улики, которые помогут следствию.

Я покосился на Лимирей. Она смотрела назад, уже готовая рвануть в лабораторию, но ее удерживала от этого необходимость поддерживать меня. Если она и каменную плиту поднимет в одиночку, то допрос с пристрастием от меня ей точно обеспечен. Я знал возможности людей — столько силы у них не бывает.

Впрочем, ходили легенды о людях, которых души наделили нечеловеческими способностями, но встречались они крайне редко. Если кто-то о них и знал, то это был только наш доблестный король. Тайная Канцелярия прибирает всех, кого можно использовать «на благо короны».

Лимирей все-таки не удержалась и потщила меня обратно к лаборатории. Мужики искоса на нас поглядывали, но ничего не говорили. Они восхищались магами и в то же время опасались их, а Лимирей, судя по рассказам местных, была еще той темной лошадкой. Откуда в ней столько нелюдимо-

сти? Хотя она и в детстве была не слишком общительной: не стремилась заводить друзей и избегала шумных компаний. Как и я, собственно. Мы с ней были в этом похожи.

И все-таки Лимирей отправилась помогать поднимавшим плиту мужчинам, невзирая на мои вялые протесты. Под тройными усилиями плита сдвинулась, и Лим тут же нырнула внутрь. Ну вот куда ее понесло?! Она же должна знать об элементарных правилах безопасности! А если там пары от зелий? Или задымилась ядовитая трава? К тому же там темно.

— Принесите факел или свечу, — попросил я помощников.

Оставить Лимирей в одиночестве я не мог. С трудом передвигая ноги, я спустился по ступенькам, опираясь на стены и прияхиваясь на ходу.

Пахло травами. Похоже, некоторые все-таки воспламенились — я закашлялся и прикрыл слезящиеся глаза рукой.

— Лимирей! — позвал я.

Я обо что-то споткнулся и тихо выругался. Под ногами хрустело стекло, было темно — хоть глаз выколи. А сотворить даже простейшее заклинание магического огонька я был не в состоянии: духи бы меня добили.

— Возьмите, господин колдун! — раздался голос сверху.

Я обернулся. Один из разгребавших завалы протянул мне зажженный факел.

— Спасибо, — поблагодарил его я и осторожно провел пламенем перед собой.

К счастью, ничего взрывоопасного здесь не было, а вот дышать становилось все труднее. Сюда бы какого-нибудь мага воздуха, чтобы очистил лабораторию от дыма и удушливого запаха трав!

— Лимирей!

Да где она, леший ее забери?!

Наконец, я разглядел ее силуэт. Она стояла на коленях ко мне спиной. Плечи ее содрогались, но она не издавала ни звука. Подобравшись поближе, я увидел, что она обнимает Николаса. Увы, помочь ему было уже нельзя.

Я присел рядом с Лимирей, смотря на ее наставника и отца. Он был мертв. Скорее всего, задохнулся, пока пламя бушевало наверху. Я кинул быстрый взгляд на его руки и замер: пальцы алхимика были переломаны. Лица я не видел, но заметил следы крови у него на груди. Ноги тоже были сломаны. Я отвернулся. Я повидал много покалеченных тел за время своей работы, но впервые видел, чтобы кого-то так зверски пытали. А в том, что эти травмы Николас получил при жизни, я не сомневался.

Кто пытал Николаса? И что они хотели у него узнать?

Слишком много вопросов, а у меня уже ощутило начала кружиться голова. Еще немного — и я упаду в обморок, как впечатлительная девица.

— Лимирей, пойдём. Тут дышать нечем. Заберешь все после того, как мы осмотрим помещение, — сказал я ей. — Лим?

Она меня не слышала. Тогда я осторожно коснулся ее плеча. Она обернулась. В темных глазах блеснули блики от факела.

Что произошло дальше, я так и не понял. Лимирей вдруг шарахнулась в дальний угол и с грохотом ударилась о стеллаж, на котором стояли зелья. Баночки со звоном посыпались на пол, но не разбились: колбы для алхимиков делают из специального прочного стекла, которое трудно разбить.

Я не двинулся с места и лишь скосил взгляд на факел. Она так испугалась огня?

— Пойдем наверх, — тихо повторил я и закашлялся. Лимирей с тоской взглянула на тело Николаса.

Я попытался сделать шаг, но почти сразу почувствовал, как пол уходит из-под ног. Метнувшаяся ко мне Лимирей превратилась в смутный силуэт.

Пришел в себя я уже на свежем воздухе. Кажется, кто-то удерживал меня в вертикальном положении. Я с трудом открыл глаза и увидел рядом с собой Габриэля. И когда он только успел появиться?

— Так, дамочка, вашу лавочку самостоятельности я закрываю! — услышал я его сердитый голос. — А если бы что-то рвануло?! Или в воздухе оказалось бы что-нибудь ядовитое? Вы же алхимик, вы должны знать правила безопасности в лабораториях!

Я видел, как Лимирей что-то ответила жестами, но не смог понять, что она хотела сказать.

— Габриэль... Не дави на нее, — вяло сказал я. — Вытащите оттуда Николаса...

Больше меня ни на что не хватило, и я снова потерял сознание.

Я пришел в себя уже дома. Как тут оказался — не понял. Сева носился рядом и громко что-то причитал.

Следующее, что я помню, — приятный запах зелья. Это был отвар, который очищает организм. Он очень популярен среди заядлых любителей выпить.

Подняться у меня не получилось. «Да чтоб я еще раз обратился к прожорливой стихии земли!..» Хотя, говорят, магам воды тоже бывает несладко: их приходится лечить от обезвоживания, а маги огня вечно ходят со шрамами от ожогов. Да и воздух — не самая безопасная стихия: при неосторожном применении может попасть в кровь.

— А ну лежи! — оглушил меня крик Севы. — А ты куда вечно лезешь?! Эй, а ну не трогай Дэниэла!

От окрика сердитого домового дом, казалось, дрогнул. Но тот, на кого бранился Сева, не послушал его и помог мне сесть. Рядом мелькнула прядь черных волос. Лимирей приложила к моим пересохшим губам чашку и заставила сделать глоток. Потом еще один. Я откинулся на спинку дивана и стал ждать, когда подействует зелье.

— Спасибо, — хриплым голосом поблагодарил я.

Лимирей качнула головой и отвела взгляд. Она явно о чем-то раздумывала, глядя в окно. На улице сияло солнце.

— Это ты заварила?

Глупый вопрос, но все же так приятно было почувствовать заботу не только домового.

Лимирей кивнула. Она сунула в мои руки записку.

«Я видела его. Кто-то издевался над ним».

Лим дрожала. Я отвел взгляд. И ведь ничем тут не поможешь...

«Когда я смогу забрать его тело?»

Хороший вопрос. Наверное, когда судебный эксперт его осмотрит.

— Ты что-то видела в лаборатории? — вместо ответа спросил я. Разум постепенно прояснялся, только сил подняться все не было.

Лимирей кивнула.

«Я забрала оттуда кое-что», —

Лимирей ненадолго задумалась и продолжила писать размашистым и не очень внятным почерком. Так она писала, когда сильно волновалась.

*«Я похороню его и уеду. Все случилось из-за меня.
Я больше не могу здесь находиться».*

— В смысле «уеду»? — Вопрос сорвался с языка раньше, чем я успел подумать. — Во-первых, — более холодным тоном, чем хотелось бы, начал я, — ты под следствием. Проходишь по делу как свидетель. Во-вторых, куда ты собралась? В город? Если эти недоброжелатели хотели убрать вас обоих, то найти тебя там не составит труда. В-третьих... —

я запнулся. — Я обещал разобраться с этим делом. Ты не хочешь найти того изувера, который сделал это с ним?

Лимирей вздрогнула и отвернулась. Снова плачет. Взяв себя в руки через несколько минут, она принялась что-то быстро писать. Я хмуро принял от нее лист и прочитал следующее:

«Я очень хочу, но...»

Далее строчки были зачеркнуты так, что разобрать что-то было невозможно.

«Я знаю безопасное место. Меня не станут там искать».

— Однажды ты уже сбежала, — мрачно сказал я. — И вот опять?

Лимирей отвернулась.

— Имей в виду, я не ограничусь подпиской о невыезде, — предупредил я, холодно взглянув на нее. — Идет следствие. Если потребуется, я запроу тебя в этом доме с помощью магии и не выпущу, пока все не узнаю.

Лимирей сразу же вскочила на ноги. Да, я знаю, она очень не любила, когда ее в чем-то пытались ограничить. Она была до крайности возмущена.

— Ты куда? — возмутился я, заметив, что она направилась в комнату. Я с трудом поднялся на ноги. Да что с ней происходит?

Я застал Лимирей плачущей на кровати. Она лежала лицом в подушку, а ее плечи подрагивали под рассыпавшимися волосами. Я тяжело вздохнул. Ну и в чем, скажите, я не прав?

Стол был завален различными бутылочками и ингредиентами. Высушенные травы, корни, какие-то порошки... Все источало единый аромат, который можно было назвать травяным.

— Прости, — вздохнул я и присел рядом. — Может, я был слишком резким, но, Лимирей, это не шутки. У расследования есть свои неприятные моменты. Я постараюсь договориться, чтобы Николаса осмотрели как можно скорее. Только пообещай мне, что никуда не уйдешь. По крайней мере, до тех пор, пока мы не найдем его убийцу.

Я старался говорить как можно мягче, и, кажется, это подействовало. Лимирей повернула голову в мою сторону. Глаза ее потускнели. Прекрасное лицо опухло и стало еще бледнее — похоже, тоже надышалась в лаборатории.

— Я не справлюсь без твоей помощи. Никто не знал Николаса так, как ты, — продолжил я, взяв Лимирей за руку. — Вместе мы справимся.

«Только не уходи никуда снова, пожалуйста», — снова не сказал я.

Лимирей шмыгнула носом и повернулась на бок. Она указала сначала на меня, затем на себя, а потом куда-то в сторону тракта. Я задумался.

— Ты хочешь, чтобы мы куда-то поехали?

Лимирей кивнула и дернула себя за рукав охотничьего костюма. Я улыбнулся. Ну да, я уже и забыл, что обещал ей поездку в город. Все ее вещи

сгинули в пожаре, кроме тех, в которых она была. И заодно не помешает зайти к тем, кому Лимирей относила зелья, чтобы убедиться в ее невинности. Неприятно это говорить, но порой самые близкие люди способны на страшные вещи. Это я знал по личному опыту.

— Давай так: завтра с утра я зайду к начальству и скажу, что выезжаю в город, — произнес я. — А там ты мне покажешь, где была, как и обещала. Так у других вопросов не возникнет. Да и вообще, это предлог оказаться в городе. Идет? — взглянул я на Лимирей.

Она, помедлив, кивнула. Я вздохнул с некоторым облегчением и, успокоившись, вдруг почувствовал, что жутко проголодался.

— Се-ева, — позвал я. — Ты что-нибудь готовил вчера или сегодня?

— А ты что-нибудь купил, чтобы я приготовил? — сварливо спросил домовый. — Пирожки есть к чаю! Пельмени налепленные есть, — уже смягчившись, произнес он. — Отварить али пожарить?

— Отварить, — ответил я. — И... Спасибо.

— Да чего уж тут, — проворчал Сева. — Только продуктов закупить не забудь, а то кончилось все. Баловать нечем, — шмыгнул он носом и скрылся в кухне.

Я запоздало вспомнил, что Лимирей тоже не ела — ни вчера, ни сегодня. Надо будет проследить, чтобы хоть немного еды проглотила. Горе человека способно подкосить по-разному.

ГЛАВА 3

ДВОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ

Три дня я отлеживался и старался не спускать глаз с Лимирей. После того как духи стихии приняли мой скромный дар, мне стало легче. А вот ментальное состояние Лимирей по-прежнему оставляло желать лучшего. Я видел, что она пытается отвлечься и не думать о том, что случилось. А выход из своего беспокойного душевного состояния нашла в заботе обо мне. Состояния у Лимирей было два: либо она возилась с зельями, либо возилась со мной, отпаивая меня ими. Иногда во время приготовления очередного укрепляющего отвара для меня Лимирей застывала и подолгу смотрела в окно. В такие моменты я всерьез опасался за ее рассудок и пытался привлечь к себе ее внимание. Попытки разговаривать ее ничем не заканчивались: о своих мыслях Лимирей не говорила и только качала головой. Но всякий раз после такого оцепенения я замечал, что у нее все начинает ва-

литься из рук. После этого на приготовление зелий Лим хватало ненадолго, и она уходила на задний двор. Однажды, когда мне стало лучше, я вышел за ней и застал ее в слезах и отчаянии. Я ничего не стал ей говорить. Она имела право выплакаться.

Примечательно, что тогда на заднем дворе она была не одна. Компанию ей составил дух воды, и при виде его мне в голову пришла идея, как развеять ее подавленное состояние. Так у нас завязался бой в снегу. Мы с Лимирей отбивались от духа воды, который пытался нас закопать в сугробах. Это небольшое развлечение, может, и было неуместным, но быстро заставило Лимирей забыть о своих слезах, а мне напомнило о нашем далеком беззаботном детстве. Духа мы, конечно же, не победили, но домой вернулись уже в хорошем настроении. На губах Лимирей даже появилась слабая улыбка. Это уже был хороший знак.

С появлением Лимирей у меня дома возникла какая-то странная атмосфера. Комната полностью стала принадлежать ей, туда не совался даже Сева.

— Жить с алхимиками — та еще пытка, — ворчливо сказал он. — Ничегошеньки нельзя! Все-то у них по делу! И травинка упавшая, и цветы завядшие, и пергаменты исписанные... Не дай Великие Духи принести им чай на рабочее место! Перепутают с зельем — и поминай как звали!

Однако на новую соседку Сева не жаловался и даже проникся к ней. Возможно, потому что Лимирей помогала мне восстанавливаться и даже покупала продукты, которые он сразу же утаскивал

на кухню. Пару раз пыталась помочь Севе с готовкой, но он заявил, что сам справится. Единственное, чем домовый был недоволен, так это тем, что Лимирей ничего не ела. Попытки накормить ее настолько тоже ни к чему не приводили. Обычно она выпивала чашку чая, поклоном благодарила Севу и уходила из-за стола.

И все эти три дня я чувствовал себя перед ней виноватым. Ведь все могло быть не так. Николас мог быть жив, но теперь ничего было не исправить. История не терпит сослагательного наклонения. Я мог долго размышлять на тему «что было бы, если...», однако толку от этого не было бы никакого.

Лимирей была такой искренней, что я невольно почувствовал себя последним мерзавцем, и мне становилось от этого тем хуже, чем яснее я видел, что свою любовь к Николасу и заботу она перенесла на меня. Так Лимирей справлялась с потрясением.

Однако вечером третьего дня я решил рассказать Лимирей о своем видении. Я не стал оправдываться и, покаявшись во всем, с замиранием сердца ждал реакции Лим. Это был первый на моей памяти случай, когда она действительно сильно на меня разозлилась. Взгляд ее словно метал молнии. Губы дрожали. На мгновение возникло ощущение, что она готова броситься на меня и задушить. За многие годы работы в полиции я успел забыть, что такое страх, но тогда, сидя рядом с разъяренной Лимирей, очень остро ощутил, что моя жизнь висит на волоске.

Лим скрылась в комнате, а через несколько мгновений вышла, яростно сунула мне в руки записку и, развернувшись, вышла, громко хлопнув дверью. Я заметил, что даже куртку она на себя накинуть забыла. Записку я развернул не сразу, а увидев написанное, сразу же бросил ее в камин.

«Ты виноват в его смерти!» —

было там.

Я остался в доме один. Тишину нарушал лишь треск поленьев в камине. Мрачно я подумал о том, что Лимирей имеет полное право меня в этом обвинить.

— Дурак ты, — неожиданно сказал Сева. — Причем дважды.

— Это еще почему? — угрюмо взглянул я на домового.

— Первый раз дурак, потому что думал головой, а не сердцем. Второй раз — потому что девку хорошую упустил, — деловито сказал Сева.

— Я не намерен обсуждать подобные темы, — резко ответил я.

Сева пожал плечами.

— Как знаешь. Хорошая она. Заботливая. Без злых помыслов. Разве что несчастная.

С этими словами Сева ушел, а я еще долго сидел в одиночестве, прокручивая его слова в голове. Мне казалось, что он знает Лимирей даже лучше, чем я, что само по себе казалось невероятным.

А вдруг знает?..

После всего я уже не знал, чему и верить: чувствам или логике.

С тяжелыми и рассеянными мыслями я гадал, вернется ли вообще Лимирей. Она говорила, что у нее есть безопасное место, куда она может уйти.

Но мои худшие ожидания не оправдались. Лимирей вернулась посреди ночи. Усталая, замерзшая, она выглядела еще хуже, чем после смерти Николаса.

С трудом мы отогрели ее с Севой. Горячий чай, ванна, лекарские зелья — все это пошло на пользу, но вдруг что-то серьезное? Тут мы уже не поможем: наших с Севой знаний не хватит, чтобы выходить Лимирей.

От визита к лекарю Лим отказалась. Попросила только перо и лист бумаги со стола. Закутанной с ног до головы в плед, ей было не очень удобно писать, да и свечи слабо освещали помещение. И все-таки она весьма разборчиво написала следующую записку:

«Пока я гуляла, у меня было много времени подумать. Извини, что разозлилась. Ты ни в чем не виноват. Если Николаса хотели убить, то сделали бы это в любом случае. Может, все было бы еще хуже. Нас могли бы подстеречь на дороге или еще где-нибудь... Неизвестно, чем все закончилось бы. И ты не мог знать, что так будет. Никто не мог... люди привыкли прислушиваться к фактам, а не туманным видениям».

Я перечитал записку несколько раз.

— Ты ведь... Больше никуда не уйдешь? — осторожно спросил я Лимирей после затянувшегося молчания.

Я боялся, что она исчезнет. Уйдет и снова оставит меня со множеством вопросов. А разгадать тайну Лимирей стало для меня уже необходимо. Во-первых, потому что я люблю сложные загадки и дела, а во-вторых, я хотел узнать ее лучше, чтобы понять, что она хранит на душе и почему не может заговорить.

Я задался вопросом: «А что, если Лимирей решит уйти? В то самое безопасное место. Что я буду делать?»

Ответ пришел незамедлительно: я отправлюсь следом за ней. Теперь-то я не пятнадцатилетний подросток, и теперь я знаю много способов добраться до правды. Другой вопрос — что своими методами я не хотел разверзть пропасть между мной и Лимирей еще больше, учитывая, что мы только начали сближаться.

За эти три дня, что я восстанавливался, коллеги меня так и не побеспокоили. Впрочем, наверняка они были заняты работой. И каково же было мое удивление, когда я увидел их на следующий день с гостинцами.

— С ума сошли? — опешил я, взглянув на внушительный пакет, из которого пахло выпечкой и шоколадом. Где, спрашивается, только раздобыли? И на какие деньги? — Я всего-то на три дня выпал из работы...

— Отказы не принимаются! — весело заявил с порога Габриэль. — А где твоя... Подопечная?

Маг огня предпринял попытку заглянуть ко мне за спину, но я не сдвинулся с места.

— Спит, — отозвался я. — Так что веди себя потише. Доброго утра, Барн, — кивнул я начальнику.

Тот добродушно усмехнулся и прошел в дом.

— Вижу, тебе уже лучше, — заметил он.

— Да, я бы и сам сегодня дошел до отделения... Я так понимаю, вы уже все осмотрели? — спросил я.

Габриэль помог разжечь огонь, а я повесил над камином чайник с водой: к сладким угощениям полагается чай.

Коллеги кивнули.

— В общем, ничего нового мы не нашли, — с досадой произнес Габриэль. — Но появилось много интересных мыслей...

Он переглянулся с Барном, а я весь обратился в слух.

— Мы позавчера целый день опрашивали местных, но никто никого не видел. Эти поджигатели как будто в воздухе растворились. Даже если пришли из леса, устроив там лагерь, то следов на снегу не оставили.

— А дальше тракта? — настороженно спросил я.

— Я отправил несколько помощников — и ничего. Как будто сами духи помогали злодеям скрыться, — хмуро произнес Барн.

— Или природа, — рассеянно добавил Габриэль.

Я иронично изогнул бровь и фыркнул.

— Не исключено еще зелье невидимости, — поспешно добавил маг огня. — Это всего лишь одна из версий! Кстати, твоя подопечная, она...

— Лимирей по-прежнему не разговаривает, — вздохнул я. — Прошло слишком мало времени. Я попытаюсь вызвать ее на разговор. Хотел бы убедиться, что она ни в чем не виновата. А заодно и город проверить. Может, кто-нибудь там видел подозрительных типов, раз у вас тишина.

Барн, не отвечая, пристально взглянул на меня, и мне пришлось пуститься в объяснения:

— Чтобы исключить подозрения, что она сама убила Николаса, я отправлюсь сегодня с ней в город и обойду те места, куда она относила зелья. Поспрашиваю местных в таверне. В ночь перед праздником обычно куча народа на улицах — кто-то наверняка видел Лимирей.

— Добро, — кивнул Барн.

— У зелья невидимости есть пара недостатков, — вернулся я к изначальной теме. — Во-первых, следы на снегу никуда не деваются. Во-вторых, если к чему-нибудь прикоснуться, то эффект от его применения пропадает. А в ту ночь гуляла такая толпа, что не наткнуться на кого-нибудь было бы невозможно. Что до природы... Ею владеют только эльфы, а им в этих местах просто неоткуда взяться. Их Лортенлонский лес находится далеко на западе Артении, — заметил я.

— И еще. Габриэль, ты бы заканчивал читать эти пошлые приключенческие романы о лесных эльфах, — кашлянул Барн.

Я сделал вид, что ничего не услышал. Тем временем в чайнике закипела вода.

Габриэль насупился и скрестил руки на груди, однако я заметил, что уши его покраснели.

— Эльфы если бы куда и сунулись со своими шпионскими играми, так только в столицу, — проворчал Барн. — Или в город магов. Но не в нашу деревню...

— Да понял я, — буркнул Габриэль. — Но больше у меня вариантов нет!

— Разве что поджигатели воспользовались артефактами, чтобы замести следы, — подумав, произнес я, не отвлекаясь от заваривания чая.

— Тогда все совсем паршиво, — вздохнул Габриэль.

Мы с Барном мрачно переглянулись. Выводы напрашивались тревожные.

— Это непохоже на спонтанное убийство, — медленно проговорил я.

— Вот и я о том, — хмуро сказал Барн, принимая от меня чашку чая.

Габриэль развернул угощения.

— Кто-то заранее все продумал и точно знал, кого и где надо устранить. Как бы еще и за твоей подругой не пришли, — добавил Барн, вдыхая аромат чая.

— Может, она потому и странная? — задумчиво произнес Габриэль. — Может, они с Николасом в прошлом чего-то натворили и знали, что по их душу рано или поздно придут. Вот и затаились там, где никто не будет искать. А теперь те, от кого они бежали, их нашли и...

Он значительно провел большим пальцем по горлу.

С профессиональной точки зрения это было очень похоже на правду. Но я не хотел в это ве-

ритель. Однако у меня не вязался образ прежней озорной и свободолюбивой Лим с той испуганной Лимирей, которую я видел теперь. Может, пока мы не виделись, и правда случилось что-то серьезное?

— А если убийца все еще здесь? — предположил я. — Или вообще это кто-то из местных.

Коллеги снова переглянулись.

— Да, Дэн. Плохо ты еще наших знаешь, — усмехнулся Барн.

— Я вообще предпочитаю не доверять людям, — невозмутимым голосом произнес я.

Барн вопросительно посмотрел на меня, и я, хоть и нехотя, должен был продолжить.

— Сдружился я как-то с одним магом. Вели следствие о гибели его сестры. Все указывало на то, что ее убил жених. В общем, его уже посадить собирались, но наткнулись на оболочку использованного артефакта. Оказалось, что в лице своей сестры тот самый маг избавился и от любимицы отца, которой тот собирался завещать все свое состояние, и от главного конкурента на магическом поприще. А я, как дурак, все это время рассказывал ему последние новости, — невесело усмехнулся я.

Габриэль присвистнул. Изумление мелькнуло и на лице Барна.

— Знаю, у вас подобного не бывает...

— Не бывает, — негромко подтвердил Барн. — Если кто кого и убивал, то от ревности или в пьяном гневe, и сам потом приходил с повинной. Или

кража какая — так по горячим следам всегда находили.

Я тяжело вздохнул. Да, вот тебе и отличие деревни от города — местные жители ведут себя куда простодушнее.

— Я вот вообще не понимаю, что ты здесь за был, — внезапно сказал Габриэль. — Сразу же видно, что ты городской и к деревенской жизни не привык.

Я поморщился. Вспоминать историю своей ссылки я не хотел. А вот Барн и Габриэль явно хотели ее послушать.

Помогла мне избежать этого рассказа проснувшаяся Лимирей. На кухню она заглядывать не стала, но шорох и шаги в комнате я услышал.

Будто прочитав мои мысли, Габриэль и Барн спешно допили чай и засобирались.

— Я сделаю запрос в Торговую Гильдию и Гильдию магов. Может, кто-то просил изготовить что-нибудь для переноса или поимки огненного духа, — произнес Габриэль.

Я кивнул. Мысль была и правда дельная.

Проводив гостей, я прошел в комнату и остановился около дверного косяка. Лимирей подняла на меня взгляд и тут же отвела его. Я с тревогой отметил, что выглядит она еще хуже, чем после нашей ночной беседы. Лицо осунулось. Под глазами залегли темные круги. Взгляд был тусклым. Даже волосы как будто потеряли свой привычный блеск.

— Лимирей, — позвал я ее. Она тряхнула головой и вяло что-то нацарапала на листке бумаги.

«Кошмары снились».

— Значит, так, — твердо начал я, положив листок на стол, — сейчас ты пойдешь и приведешь себя в порядок. Затем поешь, а потом мы отправимся в город. Вечером посидишь в теплой ванне и чего-нибудь выпьешь. Иногда это бывает даже полезно, — произнес я, смягчив голос.

В этот момент мне показалось, что Лимирей взглянула на меня с благодарностью. Через мгновение она скрылась в уборной, а я отправился на кухню готовить для нее вместе с Севой нехитрый завтрак (хотя правильнее было бы сказать, что готовил домовой, а я был у него на побегушках). В конце концов, она со мной возилась три дня, теперь моя очередь о ней позаботиться. Не люблю быть в должниках.

Когда Лимирей вернулась, завтрак уже был готов и ждал ее на столе. Сева раздувался от гордости.

Лимирей прошла в комнату и протянула мне записку.

«Спасибо, но я не голодна. Лучше сам поешь».

Я сердито на нее взглянул, а Сева, прочитав записку, аж подпрыгнул от возмущения:

— Как это — не голодна?!

Я прошел за Лимирей и, подхватив ее под локоть, провел в кухню.

— Мы никуда не пойдем, пока ты не поешь, — сказал я, поставив перед ней тарелку. — Я не хочу,

чтобы по дороге ты упала в голодный обморок. Да и Сева устроит мне тут бардак: он так старался, — прошептал я и с беспокойством взглянул на подпрыгнувшую на столе утварь.

Лимирей посмотрела на меня, потом на бунт домашнего и нехотя взялась за вилку. Сева несколько оттаял.

— А ты чего глядишь?! — сердито сказал он. — Тоже за стол давай! У-у, смотри у меня! — погрозил он мне ложкой.

Я смиренно сел за стол, и нам с Лимирей пришлось выпить еще и по кружке горячего чая с пряниками. Только после этого домашний дух оставил нас в покое и отправился по своим делам.

Сегодня удача была на нашей стороне — едва мы покинули дом, как увидели двоих деревенских, собравшихся ехать в город на лошадях и с санями, полными сена. Мы любезно попросили нас подвезти, на что хозяева дали добро. Так что наш путь был не только теплым, но еще и относительно удобным.

Я попытался поговорить с Лимирей, но быстро понял, что это не очень хорошая идея: сани тряслись, ответ написать было трудно, а из ее жестов я мало что понимал.

В городе Лимирей повела меня туда, куда в ночь пожара относила зелья. Дородная хозяйка в пышном платье сразу узнала ее и пригласила нас в гостиную.

— Понимаете, моего мужа свалила какая-то хмарь. А наш алхимик за лечебное зелье такую цену заломил, что ни в какие ворота! — всплеснула она

руками. — Говорит, Собиратели все разъехались и раньше лета не появятся! А мужу моему, что ли, помирать?! Скандал ему закатила, а потом вспомнила, что в деревеньке неподалеку живет алхимик. Написала ему письмо, получила ответ, мол, ждите, сделаю. И цену назначил в пять раз ниже, чем этот, — презрительно взглянула она, видимо в сторону дома местного алхимика. — Я даже думала, что про меня позабыли, потому что до последнего ни ответа, ни зелья не было. А накануне праздника Воды пришла эта девочка, — кивнула женщина на Лимирей. — Муж пока лежит, но уже легче стало, не так лихорадит. Если бы не вы...

Этот дом я покидал с чувством облегчения. Врать такой тип людей не умеет категорически. Но для своего успокоения я еще поспрашивал тех, кто жил поблизости. Почти все подтвердили, что Лимирей в роковую ночь была здесь.

К обеду мы с Лимирей оказались в таверне. Да уж, это вам не деревенская забегаловка: тут и помещение больше, и столы чище, и выбор еды с напитками разнообразнее.

Однако народу здесь было столько, что яблоку негде упасть.

Я почувствовал, что Лимирей тянет меня к выходу, но покачал головой: во-первых, я проголодался, а во-вторых, я еще ничего не узнал здесь про странных гостей.

— Вон свободный столик, — указал я на место у окна. — Займи его, а я пока закажу что-нибудь. И не вздумай отказываться!

Лимирей спорить не стала. Она расположилась за указанным столиком, то и дело оглядываясь по сторонам. Ее как будто что-то беспокоило.

Что же творится у тебя на душе, Лимирей?.. Когда-нибудь я обязательно разгадаю и эту загадку. А пока оставалось только ждать своей очереди в надежде переброситься парой фраз с утомленным хозяином таверны.

Я успел беглым взглядом ознакомиться с меню и выбрал тушеное мясо с овощами. Для Лимирей решил взять суп — мало ли как ее организм воспримет тяжелую пищу после голодовки. Попросил добавить в заказ чай с корзинкой сладостей, а после незаметно достал полицейский значок и показал его хозяину. Тот бросил на меня косой взгляд: видимо, он был привыкший к такому.

— Через час, — хмуро сказал он. — Все разойдутся — и поговорим.

— Чудно, — не стал спорить я и взглянул на часы за стойкой.

Я засек время и вернулся к Лимирей. Она вопрошительно взглянула на меня.

— Поговорить пока не удалось: слишком много народу, — кивнул я на очередь.

Она отвернулась.

— Лимирей, ты понимаешь, что я смогу помочь тебе только тогда, когда ты перестанешь от меня скрываться? — прямо спросил я. — Я чувствую, что ты что-то недоговариваешь, и либо я сам это узнаю в ходе расследования, хоть и потеряю время, либо ты сама мне об этом расскажешь, и тогда дело пойдет намного быстрее.

Я старался говорить мягко и спокойно. Лимирей отвернулась от окна и взглянула на меня. Она протянула ко мне руку и коснулась темно-красного кулона на моей груди, который оставила мне на память. Свет от магических светильников рассыпался от его граней тысячей кровавых брызг на ее ладони. На ее лице появилась слабая улыбка. Лимирей аккуратно отпустила кулон и достала из сумки перо и бумагу.

«Не здесь», —

прочитал я.

С этим спорить было сложно. Но внутри я почувствовал облегчение и даже какое-то возбуждение. Такое бывает во время непростых дел, когда чувствуешь, что близок к разгадке. Может, я наконец смогу получить ответы на свои вопросы?

Выждав нужное время, я оставил Лимирей одну и отправился разговаривать с хозяином. Он уже ждал меня около подсобки, а когда я приблизился, жестом велел следовать за собой.

— И о чем вы хотели поговорить? — буркнул он. — Я — честный малый! И продукты мне каждый день привозят свежие!

— У меня к вам нет претензий, — отмахнулся я от него, не желая выслушивать подобные тирады. — Меня интересует, не замечали ли вы каких-нибудь странных людей? Кто, скажем, перед праздником стихии Воды направлялся в деревню Айтон? Или куда-нибудь в ту сторону?

